
Mind Researcher
Пределы чертогов.
Часть 1.
Разум и чувства
18+

Mind Researher

Пределы чертогов. Часть 1. Разум и чувства

«Автор»
2026

Researher M.

Пределы чертогов. Часть 1. Разум и чувства / M. Researher — «Автор», 2026

Герой, живущий на пределе, в мире, дошедшем до предела, и использующий свой гениальный ум в попытках его контролировать. Под силу ли мистеру Шерлоку Холмсу не только разрешать запутанные преступные загадки, но и преодолеть личный кризис, а также повлиять на нависшую над миром катастрофу, когда вся логика рушится под напором хаоса?На основе вселенной Sherlock BBC, эта история исследует пределы человеческого интеллекта, силу эмпатии и то, как отдельный человек может влиять на общемировые процессы. Если вы ищете глубокий анализ личности, философские размышления и захватывающий сюжет — добро пожаловать в мир, где разум сталкивается с чувствами, а наука граничит с магией.

© Researher M., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Вступление. Небольшой анализ личности Шерлока Холмса и пара слов о фанфике 5
Глава 1. Встреча 10
Глава 2. Собаки Баскервилля 30
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Пределы чертогов. Часть 1. Разум и чувства

Вступление. Небольшой анализ личности Шерлока Холмса и пара слов о фанфике

Представляю вниманию читателей фанфик по вселенной Шерлок BBC "Пределы чертогов".

Данная вселенная заинтересовала меня не столько увлекательными приключениями гениального детектива в современном мире, сколько прилагающейся к ним глубокой психологической составляющей и — заложенным в историю безграничным потенциалом.

С точки зрения психологии сериал не просто глубок, но и очень тяжёл, хотя это может быть не так заметно за яркими приключениями героев и их харизмой. Тем не менее, авторы остро прошлись по таким базовым сферам нашей жизни, как дружба, любовь, взаимопонимание, ответственность, а в довесок копнули в самые недра травм троицы гениальных детей семьи Холмсов. Многие зрители критикуют четвертый сезон, где, можно сказать, "слит" детективный сюжет, зато слишком много психологии. Мне же интересен именно этот ход. На протяжении всего сериала Шерлок не просто лихо расследует преступления, но становится более человечным, а в конце вообще погружается в тёмные воды своего бессознательного и детских травм. Я считаю это очень важным и неотъемлемым шагом, который тем интереснее, что помножен на степень его интеллекта и сам контекст жизни его семьи. Одно дело — наши детские травмы, другое — травмы детей, интеллект которых выходит за рамки понимания людей. Здесь последствия уже невозможно игнорировать, потому что они масштабируются тысячекратно.

Размах и глубина затронутых авторами вопросов таковы, что их просто невозможно вместить в экранное время, поэтому для меня осталось довольно много "белых пятен" и недосказанности в сериале. Это было причиной номер один, побудившей написать фанфик. Мне хотелось шагнуть вглубь сериала и под микроскопом рассмотреть, как работает его психология внутри каждого персонажа. Мой фанфик в первую очередь об этом. Детективы, приключения там тоже в обязательном порядке есть, но главное то, что меня интересует — это препарирование психологических трансформаций в сериале, механизм личностного роста и внутреннего развития персонажей. Эта тенденция задана создателями сериала, и я с удовольствием её поддержу и разовью, вплетая в кружево интриг и загадок.

Второй причиной, побудившей к написанию фанфика, стал магнетический потенциал троицы персонажей — Шерлока, Майкрофта и Эвр. Шерлок — гениальнейший детектив современности. Майкрофт — его старший брат, не уступающий, а зачастую и превосходящий его по уровню интеллекта, по совместительству являющийся по сути кукловодом Британского правительства. Ну, и в довесок к ним — их сестра Эвр, обладающая убийственно сверхъестественными мыслительными способностями. Оставить такие возможности без внимания? Это нерационально. Их история никак не может закончиться разрешением квеста в Шерринфорде. Мне крайне интересно, какое развитие их взаимодействие может получить дальше. Не сомневаюсь, что оно огромно, и я не собираюсь ограничиваться. Мне хочется посмотреть на то, как Майкрофт играет на международной арене, как Шерлок расширяет свои возможности, объединив гениальную работу своего ума со ставшим человечным сердцем, а Эвр наверняка доступны не только интеллектуальные игры на планете Земля, но и общение и с инопланетным разумом.

Для проникновения в ткань сюжета сериала я ввожу новый персонаж. Его роль — быть провокатором различных процессов, а также своего рода хранителем. Ведь провокации таких

персонажей — штука довольно рискованная. Шерлок без оглядки бросается под пули или сжигает себя наркотиками, Майкрофт может устроить провал на политической арене, а Эвр вообще всё взорвать к чертям. Мне же интересно посмотреть на максимально успешный и конструктивный сценарий в их исполнении.

Фанфик разделён на две части. Первая часть — "Разум и чувства" — проходит в рамках сериала. Здесь при помощи нового персонажа я закрываю те белые пятна, которые сериал оставил для меня, а также исследую феномен роста общего интеллекта человека с развитием его эмоционального интеллекта. Мне нужен не Шерлок — сгоревшая в наркотическом бреду интеллектуальная машина, и не нужен расклеившийся в депрессии сентиментальный Шерлок. Я хочу посмотреть на то, как он может работать на полную катушку без отвлечения на эмоции, но с полным контролем над ними.

Вторая часть фанфика — "Алхимия метаанализа" — может быть рассмотрена как вариант пятого сезона. Здесь мне интересен синтез работы трёх интеллектов. Сестра и оба брата Холмсы, преодолевшие свои психологические травмы и обретшие общий вектор движения, вполне могут успешно заняться решением глобальных проблем человечества, что, на мой взгляд, было бы вполне логичным. Их умы способны на гораздо большее, чем ловить сумасшедших террористов и носиться друг за другом по Лондонским улицам.

Немного о моём способе написания текста. Я не задаю развитию сюжета никакой план, а использую эмпатическое моделирование. Как это происходит? Процесс чем-то похож на метод системных расстановок. Я задаю цель: максимально раскрыть интеллектуальные способности персонажей и посмотреть, что из этого получится. Далее предлагаю эту цель персонажам. Если они её принимают — начинается работа, в которой я выступаю зрителем и передатчиком. Я как бы "вхожу" своим воображением по очереди в образ каждого персонажа, "надеваю" его на себя и из него записываю всё то, что он думает, чувствует, говорит и делает. Потом перемещаюсь в следующего и повторяю всё из его "шкуры". Это очень увлекательная работа, потому что от меня не требуется ничего придумывать, персонажи делают всё сами, а мне остаётся лишь фиксировать и потом оформлять в художественный текст, дополняя каркас просто описаниями и переходами. Таким образом я будто просматриваю в своей голове 10D фильм. Насколько я понимаю механику этого процесса, он является некой совместной работой. Я при помощи своих субличностей создаю канал, по которому могу принимать информацию от того или иного образа. Они получают через этот канал возможность жизни, а я — сюжет. Я не придумала такой способ творчества, а прочитала о нём и решила попробовать. Мне очень понравилось, и теперь я любые свои тексты пишу с применением его. Я ощущаю его очень живым и естественным, поскольку все герои обладают полной свободой воли. Они ведут сюжет сами так, как считают нужным. Я по ходу дела могу лишь иногда что-то "предлагать" им, но они сами выбирают, принимать это или нет, и как развить моё предложение.

Сразу хочу предупредить, что такой способ творчества подходит не всем. Для того, чтобы использовать его, нужно две вещи. Первое — это высокий уровень открытости. Информация приходит в открытый канал. Если у автора есть страхи, эмоциональные блоки, он либо не сможет принимать информацию, либо может испугаться или покалечиться ею. Ведь мы не знаем, что взбредёт в голову герою или с чем он столкнётся. Второе, что важно — это высокий уровень личной психологической проработанности. Важно как легко "войти" в канал, так и легко "выйти" из него, не навешав на себя ничего лишнего. Например, это довольно большая проблема у актёров, слишком сильно слившихся с персонажем, которого играют. Они могут начать жить его жизнью или как-то разрушать себя, спиваться, не будучи в силах преодолеть то, что им довелось пережить во время игры.

Что до меня, то мои каналы открыты довольно широко, потому что мне любопытно испытывать и проживать различный опыт. Я — Mind Researcher. Проработку и рефлексию я также не игнорирую.

В заключении скажу о том, что этот фанфик — не столько развлекательное чтиво (хотя и развлечься он тоже вполне позволяет), сколько философско-психологический материал. Плотность текста довольно высокая, он охватывает собой и экзистенциальные вопросы, поднимает различные социальные проблемы, плотно проходится по теме близких отношений. Финал же истории стал полной неожиданностью для меня. Одно могу сказать точно: герои воплотили мою идею и предложение на все 150%. Я не настаиваю на том, чтобы читатели разделили идеи, изложенные в тексте, но совершенно точно одно: каждый может найти в нём для себя что-то полезное.

* * *

Предисловие к первой части "Разум и чувства" и мой взгляд на личность персонажа Шерлока Холмса из вселенной Шерлок BBC

Начну с извечного вопроса: что же первично — чувства или разум? Нам так важно, чтоб наш ум работал безупречно, так важно наполнить его огромным количеством необходимой информации и заставить работать быстро и эффективно. И в то же время, мы всегда обнаруживаем то, что отказ от сердечных стремлений в угоду лишь доводам рассудка, приводит нас к краху и пустоте. Но и стремление жить лишь на волне чувств и эмоций, не думая, разрушает наши жизни. Так где же этот баланс, есть ли та грань, где разум и чувства находятся в равновесии? Для чего нам вообще даны эти способности — думать и чувствовать? Что они для нас значат и как научиться использовать их грамотно и эффективно, чтобы жизнь не превращалась в постоянный ад, но позволяла использовать наш потенциал во всей его широте? А есть ли границы интеллектуальных возможностей человека? Если да — то где они проходят и как можно их расширить?

Для поиска ответов на эти вопросы я беру личность персонажа Шерлока Холмса. Чем он знаменит? Своими, как он сам их называет, дедуктивными способностями. Термин, однако, не совсем верный. Шерлок использует скорее индукцию — рассуждение от частного к общему. Его уникальная способность состоит в том, что он в состоянии замечать и запоминать огромное количество самых разнообразных деталей, мастерски анализировать их, строить на их основании логическую цепочку, при помощи которой он может разгадать любую загадку. Шерлок обладает великолепно развитой памятью, он способен удерживать в своей голове огромное количество информации по всем необходимым ему вопросам и извлекать её оттуда в нужный момент. Его мозг работает чётко, как часы, а вернее — как гигантский совершенный компьютер, мгновенно обрабатывающий терабайты информации. Благодаря этим способностям он, кажется, видит людей насквозь. Стоит вам только попасть в поле его зрения, и он уже прочитал вас, как открытую книгу, и готов рассказать вам о вашем прошлом, настоящем и будущем даже то, чего вы сами не замечаете или о чём не догадываетесь. Всё это позволяет Шерлоку блестяще расследовать самые сложные преступления, с которыми полиция безнадёжно зашла в тупик, и приводить в восторг публику. Такая гениальность оказалась одновременно и чудесным даром, обеспечившим ему мировую известность, и трагедией жизни этого человека.

Несмотря на свою известность и непрерывную востребованность, Шерлок является очень одиноким человеком. Он практически ни с кем не в состоянии выстраивать сколь-либо терпимые отношения. Ему даже приписывают синдром Аспергера. Мне видится причина такого состояния в следующем. Во-первых, скорость мысли. Как ни старайся — гоночная машина и детский трёхколёсный велосипед не могут ехать бок о бок. Велосипед не может угнаться за машиной, а машина должна гонять, иначе она — не машина. Так и Шерлок — он изнывает от соседства с медлительными велосипедами. Ведь там, где он уже всё понял и нашёл ответ, другой человек лишь только начинает формулировать вопрос. С которым он даже не в состоянии разобраться сам. И это угнетает Шерлока. Он живёт в другом мире, его время течёт по-другому. И он одинок в нём. Но он не может покинуть его потому, что тот другой мир — наш мир — ему невероятно скучен. И он об этом постоянно говорит: «Скука, скука, скука». От этой

скуки его спасают лишь сложные загадки, которые дают пищу и возможность работы и развития его неугомонному уму. В перерывах между такими загадками он спасается от пустоты и скуки при помощи наркотиков.

Вторая причина кроется в глубоком внутреннем психологическом страдании Шерлока. Что же это за страдание, да и вообще — как так получилось, что у Шерлока развились такие необычайные способности? Логика подсказывает, что всё дело в его семье. Ведь он не один такой гениальный. В их семье трое детей. Старший Майкрофт, сестра Шерлока Эвр и сам Шерлок. Все вместе с обоими родителями в детстве живут в обширном родовом имении. Огромный дом и прилегающие земли. Интеллектуальные способности детей Холмсов передались им от родителей. В сериале о них практически ничего не говорится, но для меня является очевидной ошибкой думать, что родители Холмсов — обычные простаки среднего ума. Нет, простаки не живут в огромных имениях. Моя версия такова, что отец Шерлока мог работать на секретной службе в правительстве Британии. Чёткий ум, быстрота мысли, строгая дисциплина и порядок. Он удерживал в своих руках тысячи ниточек, обеспечивающих работу государственной системы, был одним из главных ответственных лиц, идеальной машиной и исполнителем. Все свои методы он привнёс и в воспитание своих детей. Что из этого вышло — мы были свидетелями. «Успешно» ему удалось воспитать только старшего сына — Майкрофта. Тот пошёл по его стопам. Стал точной копией своего отца. Идеальная дисциплина, чёткая работа ума, безупречная логика, широчайше развитый интеллект, превзошедший своего родителя. Но на втором ребёнке произошёл «сбой». Как выразился Майкрофт, она ушла за пределы нашего понимания. Говоря проще — слетела с катушек. Чрезмерное интеллектуальное давление сломало психику маленькой девочки, она превратилась фактически в монстра, не способного чувствовать ничего человеческого, что обрекло её на пожизненное заключение. Я не питаю иллюзий о том, что такая трагедия произошла как-то «сама собой», случайно, что она сама такой стала. Всё, что происходит с ребёнком в его дальнейшей жизни — закладывается в его семье, спросите об этом любого психолога.

Третьим был Шерлок. И ему, можно сказать, повезло больше всех. Он не выбрал ни тот, ни другой путь. Он не уподобился своему отцу, не подчинился его воле, но и не сломался. Мы видим, что Шерлок сторонится своей семьи. Он не жалует ни своих родителей, ни старшего брата. Он устроил бунт. Это позволило ему не слететь с катушек подобно Эвр. Более того, его память вообще вычеркнула всё, что связано с Эвр на долгое время. И да — это то, что позволило ему выжить. Итак, отец семейства потерпел крах со своими детьми. Из троих его детей — одна заперта на всю жизнь в психбольнице, другой — фактически безработный, непонятно чем занимающийся социопат и наркоман. Такова плата за чрезмерную концентрацию на развитии работы ума в ущерб развития человеческих чувств. Это девиз семейства Холмсов: «Чувства мешают, они лишь помеха для чёткой работы мысли». Но это заблуждение, и Шерлок Холмс тому доказательство. Если мы посмотрим на натуру Шерлока, то мы обнаружим, что, несмотря на всяческое отрицание им эмоциональной компоненты, заявление об отсутствии у него сердца, сам он при этом буквально живёт на эмоциях и чувствах. Они составляют добрую половину его жизни, как бы он ни пытался утверждать обратное. Ведь, по сути, он действует чаще всего именно по движению собственной души. Он никогда не будет делать того, чего ему не хочется здесь и сейчас. Он абсолютно импульсивен. Это Майкрофт всегда педантичен и дисциплинирован. Шерлок же — это сам вызов любому порядку. Он никогда не будет скрывать к кому-либо своего отношения. Даже королева Англии для него не авторитет, и он готов явиться к ней во дворец без штанов. Позёрство, игра? Нет. Это лишь проявление его естества. Он очень чётко умеет отличать ложь от правды, и любая ложь ему противна. Он презирает её, как и человеческую глупость. И он настолько естественен, что не в силах сломать себя ради каких-либо условностей. Правда, такая черта доставляет ему немало страданий, ведь он вынужден находиться в постоянном конфликте с обществом. Он не умеет управляться с этим,

и потому постоянно попадает в неприятные истории. Но не потому, что целенаправленно ищет этого. Просто он нутром выбирает только настоящее, действительно ценное, умное, достойное. А, если он такого не наблюдает, то ни за что не пойдёт на ложь и не будет подстраиваться под приличия и условности. Даже если из-за этого он будет выглядеть посмешищем. И всё это, именно это обеспечивает его блестящий успех и превосходство над Майкрофтом. Ведь Майкрофт только на словах утверждает, что Шерлок всегда был глуп, но на деле раз за разом Шерлок доказывает то, что его ум гораздо острее и быстрее ума старшего брата. Майкрофт — это ходячая Википедия. Но в действии, в движении, в жизни он неэффективен. В «полевых условиях» он балласт. И Майкрофт это знает. Все его попытки принизить талант младшего брата — они лишь от осознания превосходства последнего над ним. И ещё от того, что Шерлок позволяет себе быть самим собой, а не играть по правилам. Это бесит Майкрофта. Сам Майкрофт отказался от своей натуры, дабы быть идеальным и правильным, как и воспитывал его отец, и от этого он ощущает колоссальную жизненную неудовлетворённость, несмотря на все свои значительные карьерные достижения. Эту неудовлетворённость он пытается заглушить попытками перевоспитать своего младшего брата, которые, впрочем, тщетны.

Итак, что представляет собой жизнь Шерлока Холмса? Это вечная погоня, стремительный бег и метания в запертой клетке одновременно. Метания в запертой клетке пустоты. Пустоты чего? Пустоты ума, пустоты чувств. Шерлока обвиняют в том, что он не может завести себе друзей, отношения. Но обоснованы ли эти обвинения? А есть ли эти самые друзья или отношения у окружающих его людей? Дружба основана на лжи, отношения бесконечно путаются и разваливаются. Шерлок отказывается не от дружбы и не от отношений. Он отказывается от лжи. Он видит её за версту, вычисляет и распутывает в мгновение ока. Он видит то, с чем и зачем пришёл к нему тот или иной человек, и чем всё это в результате закончится. А ничего, кроме лжи, он в людях не встречает. К тому же — глупой лжи. Его это бесит. И он отвергает всё это. И не стесняется делать это в грубой форме. Полагаю, что на самом деле он не такой уж и социопат. Он очень хотел бы всего этого — и любви, и дружбы. Но только настоящих, не пустышек. А их нет, он долго и тщетно искал их, но нигде не нашёл. И поэтому предпочёл ощетиниться и закрыться от окружающего мира. Его интеллект выводит жизнь других людей из равновесия. Он вырывается, как чёрт из табакерки, вносит хаос, неразбериху в устоявшиеся, такие липкие и подгнивающие, словно болотная жижа, замешанные на одной лишь лжи жизни людей. Его боготворят и ненавидят. Он способен одним своим словом спасти человека от гибели, вытащить с самого дна или отправить его в нокаут. Но после этого он неизменно возвращается обратно в свою пустоту. Финал достигнут, овации стихли — но в итоге ничего не изменилось. И он отправляется ждать дальше, ждать своего очередного коронного часа, новой погони, новой загадки. Но долго ли всё это может продолжаться?

Глава 1. Встреча

Джон и Шерлок держали путь в Дартмур. Машина стрелой летела по трассе. Шерлок молчал, погружённый в свои мысли. Ему не терпелось поскорее вступить в бой с этой загадкой, он уже успел изрядно засидеться без достойной пищи для своего ума. Проанализировав карту, Шерлок принял решение немного срезать путь и свернул с основной трассы, поехав по более глухим местам, что позволяло сократить дорогу почти на час.

Здесь пейзаж за окном достаточно ощутимо отличался от того, что сопровождал путешественников основную часть пути. По обеим сторонам от трассы массивной стеной стоял лес, лишь изредка перемежающийся небольшими полями и деревушками, половина из которых была явно заброшена. За полчаса езды им на встречу не попалось ни одной машины. Приятели приумолкли и с любопытством оглядывались по сторонам на непривычную для столичного жителя картинку. Однако, при въезде в очередную деревню со странным и нелепым названием «Овечки», их машина фыркнула и заглохла. После беглого осмотра стало ясно, что без помощи автосервиса дальше они ехать не смогут.

— Да, это был отличный план, Шерлок! — бравировал Ватсон. — Теперь мы не то, что не доберёмся в Дартмур раньше, но и вообще вопрос — выберемся ли когда-нибудь из этих «Овечек». В этой глуши, кроме медведей, вообще вряд ли кто-то толковый водится.

Ватсон явно нервничал, он бегал вокруг машины и приправлял свою речь отчаянной жестикуляцией, попутно отмахиваясь от стаи жадно набросившихся на него комаров. Холмс же, вопреки обыкновению в подобных ситуациях, казалось, был совершенно спокоен. Он в задумчивости стоял подле машины и не шевелился. Чёрт его поймёт, этого Холмса. То он на ровном месте в стены палит, то непробиваемо спокоен тогда, когда кажется, что всё летит в тартарары. Вот теперь и бровью не ведёт, будто всё так и надо.

— Погоди, не кипятись. Вон кто-то идёт, сейчас попробуем что-нибудь разузнать, — прервал молчание он.

Со стороны полей по просёлочной дороге к ним приближалась какая-то молодая девушка с тележкой. Они замахали руками и стали звать её:

— Мисс, эй, мисс! Вы нам не поможете?

Девушка, а вернее, как оказалось вблизи, молодая женщина, без опаски приблизилась к ним и доброжелательно осведомилась:

— Да, конечно, чем я могу вам помочь?

— Видите ли, у нас сломалась машина, и, похоже, это серьёзно. Вы не подскажете, нет ли здесь поблизости автосервиса?

Девушка откинула с плеч волосы, внимательно и с весёлой искоркой во взоре посмотрела на мужчин и ответила:

— О, вам очень повезло. Как раз у нас в деревне есть небольшой частный автосервис. Правда, я не уверена в его качестве и широте возможностей, но местные чинятся всегда у него. Это совсем недалеко, буквально пара сотен метров. Вы сможете дотолкать туда машину или мне позвать кого-то на помощь?

— Думаю, мы справимся. Проводите нас, — ответили джентльмены.

Они двинулись по дороге. По пути Ватсон, несмотря на всю массивность лэндровера, успел подробно рассмотреть их спутницу. Хоть они пообщались всего минуту, его очаровал её весёлый открытый взгляд и мелодичный голос. Она была среднего роста и одета в перепачканную глиной рабочую одежду, но под ней читалась крепкая статная фигура. Её светлые длинные волосы были распущены. Сколько ей лет Ватсон точно не мог определить, возможно, в районе двадцати пяти. Она шагала легко и бодро, что-то тихонько непринуждённо напевая, несмотря на то, что день уже клонился к закату, а она явно провела весь день в полях за работой. Иногда

она оглядывалась на мужчин и весело подбадривала, сообщая, что осталось уже совсем «чуть-чуть».

«Автосервис» располагался прямо во дворе старого деревенского дома и представлял собой полуразвалившийся сарай, заваленный различными автомобильными запчастями и деталями.

Девушка позвонила в звонок у калитки и зычно крикнула:

— Кирк, эй, Кирк! Выйди, здесь по твою душу!

Через некоторое время из дома нехотя вышел небольшой помятый мужичок и опасливо уставился на пришельцев.

— Кирк, привет! У этих джентльменов сломалась машина прямо на въезде в нашу деревню. Посмотри, может, ты сможешь им чем-то помочь, — всё так же громко и напористо объяснила их провожатая. Ватсон заметил, что с Кирком она разговаривала несколько иначе, чем с ними. Она делала это громкими и рублеными фразами, совсем по-деревенски, вовсе не похоже на ту мелодичность, с которой она отвечала им.

Кирк в ответ, покряхтывая, двинулся им навстречу. Мужчины втроём какое-то время повозились под капотом, после чего Кирк, вытирая испачканные маслом руки о грязную тряпку, изрёк, что сможет исправить поломку к следующему утру.

— Однако, нам, похоже, несказанно повезло, — резюмировал Ватсон. — Это чудо, что машина сломалась в этой глуши и всего лишь в паре сотен метров от автосервиса.

— Думаю, в мире нет ничего случайного, всё закономерно, — задумчиво ответил Холмс, поправляя воротник своего пальто.

— Ты так говоришь потому, что исход оказался удачным. Будь сейчас по-другому, ты бы рвал и метал и проклинал здесь всё, на чём свет стоит, а не философствовал, — усмехнулся Ватсон.

Но Шерлок, будто не заметив подкола Джона, обратился к девушке:

— Мисс, вы нам очень помогли. Возможно, вы подскажете, есть ли здесь где-то поблизости гостиницы или мотели, где мы могли бы провести эту ночь?

— Гм, вот с этим проблема, — задумчиво покачав головой, ответила девушка. — Ближайшая из гостиниц в двадцати пяти милях отсюда. Здесь глушь, мало кто сюда заезжает из туристов и путешественников.

Немного подумав, она продолжила:

— Но, если вы не против, я могла бы пригласить вас переночевать у меня. Я живу одна, но часто у меня бывают гости, и я к ним привыкла. Дом у меня маленький, условия немного спартанские, но всё необходимое есть. Это всё лучше, чем пытаться ловить сейчас попутку до гостиницы на ночь глядя.

Шерлок одарил девушку своим пронизывающим насквозь взглядом, а Ватсон поспешил ответить:

— О, это так любезно с вашей стороны! Но нам неудобно, не стесним ли мы вас?

— Не стесним, — чуть мотнув головой в сторону Джона, быстро ответил за девушку Шерлок, — ты же слышал, Джон, она сказала, что привыкла к гостям.

— Шерлок! — попытался возмутиться его приятель.

— Итак, меня зовут Шерлок Холмс, это — мой друг доктор Джон Ватсон, — представился Шерлок.

— Меня зовут Дара Олсон, — улыбаясь, ответила девушка.

Дара стояла прямо напротив Холмса, и он изучающе мерил взглядом её с ног до головы. Джон тоже смог рассмотреть получше их новую знакомую. У Дары было приятное округлое лицо, по-девически пухлые губы и щёки и большие серо-голубые глаза, лучившиеся мягкой теплотой и задором. Достоинства её фигуры ему оценить было сложно из-за широкой грубо-

ватой рабочей одежды, в которую она была одета. Из-под неё выглядывали лишь небольшие миловидные кисти её рук с перепачканными землёй ногтями.

— Дара? — переспросил Шерлок.

— Да, Дара. Как Сара, только через «Д», — всё также весело улыбаясь, ответила Дара.

— Интересно, никогда не слышал такого имени.

— Полагаю, оно какое-то древнее. Мне так кажется, — ответила Дара, и они втроём двинулись по направлению к её дому.

Дара жила в небольшом доме на краю деревни. В доме была лишь одна комната и кухня. Зато окружал дом большой сад. Была весна, и все деревья цвели, распространяя вокруг дивный аромат. В саду щебетали птицы, и Ватсон невольно залюбовался такой красотой.

— Чудесный, правда? — с улыбкой спросила Дара. — Я снимаю этот дом, он совсем маленький, но зато сад потрясающий, и я очень рада.

Все втроём остановились на какое-то время под кронами цветущих деревьев и наслаждались тёплым весенним вечером. На небе начинали зажигаться звёзды.

— Здесь совсем не как в Лондоне, — сказал Ватсон. — В Лондоне такого не увидишь. А тишина!.. — Джон вдохнул полной грудью.

— Когда-нибудь, когда я выйду на пенсию, я тоже обязательно переберусь жить в такой вот домик с садом, — мечтательно растягивая слова, продолжил он.

— Зачем же так долго ждать! — рассмеялась Дара.

Ватсон не нашёл, что ей на это ответить.

— Что ж, пойдёмте в дом, — пригласила Дара.

Они поднялись на небольшое крылечко и зашли внутрь. В доме было довольно тесно, и Ватсону показалось, что они с Шерлоком тут же заполонили собой всё его пространство.

— Здесь кухня, вот здесь вы можете умыться, а вот комната. Один из вас может спать на этом диване, а другой на кровати или на матрасе на полу, — рассказывала хозяйка.

— А вы сами где будете спать? — обеспокоенно спросил Ватсон, оглядывая очень небольшую комнатку.

— О, не переживайте, Джон, с весны и до самой осени я предпочитаю ночевать в саду под открытым небом или на веранде. Кстати, если будет желание — вы тоже можете разместиться там, — объяснила Дара.

Джон удивлённо посмотрел на неё:

— Что же, комары вам не докучают? Они на меня так и набросились, лишь только мы вышли из машины!

— Нет, всё в порядке, они большие молодцы! — засмеялась Дара.

— Вы располагайтесь, а я сейчас приготовлю нам ужин, — продолжила она.

Джон, не скрывая, любовался этой девушкой. От неё исходила удивительная доброжелательность, простота и нежность. Она всегда улыбалась очень искренней и тёплой улыбкой, была открыта и внимательна.

Холмс молчал. Он по своему обыкновению осматривал помещение и время от времени выстреливал в хозяйку своим острым внимательным взглядом. Было видно, что она его тоже явно заинтересовала.

Дом Дары был наполнен старыми вещами, многие из которых жили здесь явно не меньше, чем с середины прошлого века. Старая мебель, посуда, зеркала и шторы — всё, судя по всему, осталось от предыдущих хозяев. Впрочем, по всей видимости, такая обстановка ничуть не смущала нынешнюю хозяйку. А Джон живо представил себе сухонькую деревенскую старушку, когда-то тихонько доживавшую в этом домике свой век.

Дара пригласила своих гостей на кухню. Она уже успела умыться, переодеться из своей рабочей одежды в лёгкое льняное платье и убрать волосы в косу. Попутно интересуясь гастрономическими пристрастиями своих гостей, она начала живо хлопотать насчёт ужина. Как

оказалось, гости были совсем непритязательны, и ей не стоило переживать. Кухня наполнилась приятными ароматами. На столе быстро появился салат из свежих овощей, обильно приправленный какими-то травами, ароматный грибной суп и свежий самовыпеченный хлеб. Все втроём незамедлительно с аппетитом принялись за еду.

— Что это за травы, которыми приправлен салат? — поинтересовался Холмс. — Никогда таких не пробовал.

— Не угадаете? — улыбнулась Дара. — Может, попробуете угадать?

— Такое впечатление... — задумался Холмс, — что это сныть, ошпаренная крапива, купырь, лебеда и мокрица.

— Ого! — удивлённо и радостно воскликнула Дара, — да вы разбираетесь в травах!

— И те только, — невозмутимо ответил Холмс. — Но я не предполагал, что всё это употребляют в пищу.

— Да, вполне, — отозвалась Дара и живо объяснила: — Люди часто совершенно незаслуженно обходят вниманием эти травы, считая их простыми сорняками. Но в них содержится гораздо больше полезных и питательных веществ, чем в тех овощах и зелени, что выращиваются специально на продажу. Кстати, в качестве напитка я также могу предложить вам травяной чай, если вы не против. В нём только полевые и лесные травы, а также травы с моего огорода. Я всё это собираю сама и делаю различные варианты заварки чая. Но, если вы против — то для гостей у меня всегда припасён привычный индийский чай, — приветливо улыбнулась она.

— Нет, мы не против, давайте ваши травы, где ещё такое попробуешь, — ответил за обоих Холмс.

Дара подошла к полке, на которой была целая выставка различных бумажных пакетов с травами. На минуту она как бы впала в задумчивость и ушла в себя, выбирая некоторые из них. Она брала пакетик, доставала из него щепотку или две каких-то листьев или цветков, секунду держала их в руке и смотрела на них, а затем не спеша складывала в заварочный чайник. После этого она также неспешно и задумчиво залила их кипятком и накрыла грелкой.

— Ну вот, — улыбнулась она, вынырнув из своей задумчивости, — теперь нужно немного подождать.

После того, как тарелки опустели, Джон расслабленно откинулся на спинку стула и, похлопывая себя руками по животу, удовлетворённо произнёс:

— Благодарю вас, Дара, ужин был просто божественен!

— Вы мне льстите, но здорово, если вам правда понравилось, — смутилась Дара.

Мужчины отдыхали, а Дара начала разливать чай и поинтересовалась:

— Могу я вас спросить, господа, что занесло вас в эту глушь? Такие люди, как вы, эмм-м, здесь большая редкость.

— Такие — это какие, позвольте уточнить? — спросил Холмс.

— Вы городские, притом из ... я бы сказала, высших слоёв, так что ли. Интеллигентные, одеты с иголочки, крутое авто. Здесь в основном разъезжают охотники и лесорубы. Даже туристы здесь редкость, — пояснила Дара.

— Мы направляемся в местечко под названием Дартмур, — коротко ответил Холмс. Он немного скучал. В деревне царили покой и умиротворение, всё было так чинно и степенно, а ему всё это было совсем не по нутру. Всё, что можно было прочитать об их хозяйке и её доме, он уже изучил, ужин был закончен, и его ум начинал томиться от бездействия. Он предвкушал несколько пустых долгих вечерних часов, которые он вынужден будет перетерпеть здесь.

— Да, это здесь по пути. Но туда есть другая дорога, она куда более хороша и популярна, — заметила Дара.

— Мы решили немного сократить путь, ведь эта дорога короче, — отозвался Шерлок.

— Да, это верно. Тем не менее, ею всё равно редко кто решает воспользоваться. Возможно, боятся глуши, и предпочитают более известную трассу. Видимо, вы не испугались глуши, — улыбнулась Дара.

— Как и вы. Вы ведь тоже не местная. Вы городская. Родились и прожили там большую часть своей жизни. А здесь живёте года два, от силы, — решил как-то развлечься Холмс.

«О нет, началось», — подумал Джон. Но прерывать Шерлока не стал, так как ему самому было интересно что-нибудь узнать об этой симпатичной девушке. Он с интересом пробовал её травяной чай. Запах и вкус его были весьма непривычными, но, тем не менее, довольно приятными. Терпкий, с медовым привкусом и какими-то цветочными нотками. Аромат же его окутывал, будто магической пеленой, навевал какие-то картинки сказочного леса. Сама Дара сейчас ему напоминала лесную фею. Она так уютно, вдумчиво и плавно всё делала — накрывала на стол, подавала еду, заваривала чай — будто совершала какое-то волшебное действо.

— Ох, откуда вы это узнали, кто вам уже успел наплести обо мне? Вы ведь только что приехали! — рассмеялась Дара в ответ на слова Шерлока.

— Никто, я сам об этом догадался, — пожав плечами, ответил Холмс.

— Вы экстрасенс? — Дара весело смотрела на Холмса своими большими широко распахнутыми глазами.

— Нет. Это элементарное наблюдение, — начал Холмс. — Вы совсем не похожи на провинциалку. Интеллигентная, с правильной красивой речью. Так говорят только в Лондоне, при том коренные его жители. Манера общения, держать себя, ваш взгляд. В нём нет деревенской грубости и топорности. Даже ваша потёртая рабочая одежда, та тележка, земля под ногтями не придают вам сельский колорит. Вы здесь ещё чужая. Ваш механик смотрел на вас, как на инопланетянку, несмотря на то, что он с вами знаком, — привычно оттараторил Холмс своё резюме.

— Да, всё так, — подтвердила Дара. — А как вы узнали про два года?

Ватсон заметил, что глаза Дары, как и у большинства людей в такие моменты, начали наполняться удивлением и восхищением. Он недовольно покачал головой, но Холмса было не остановить. Тот поднялся и продолжал объяснения своей неуёмной скороговоркой, сопровождая её быстрыми перемещениями по кухне и жестикуляцией:

— Беглый осмотр вашего дома. Он стар, но в нём сделан довольно свежий косметический ремонт. Судя по состоянию обоев — позапрошлой осенью. Не думаю, что поклейка обоев была затеяна сразу после переезда. В доме ещё много чего нужно было подлатать, чтобы подготовить его к зиме. Вы заделывали щели на окнах, ремонтировали печь. Печью занимались позапрошлым летом. Видимо, как раз сразу после переезда. Это видно по состоянию глины, которой вы промазывали щели, и побелки. Замазка на рамах окон тоже ещё довольно свежая, но уже немного отстаёт. Такое бывает, когда она переживёт пару зим. Это основные моменты, есть ещё масса дополнительных деталей, подтверждающих мою мысль. Итого, выходит около двух лет тому назад.

— Ого, это потрясающе! Вы действительно очень наблюдательны. Вы всегда такой? — пытливо глядя на Холмса, спросила Дара.

— Да, это его особенность. Неужели вы ничего о нём не слышали? Имя Шерлок Холмс вам ни о чём не говорит? — вступил в разговор Ватсон.

— Простите, нет… А вы знамениты? Если вас показывают по телевизору, то у меня его нет, и я не в курсе последних событий… — будто немного извиняясь, ответила Дара.

— Но у вас наверняка есть интернет? Он сейчас гремит именем Холмса, — не унимался Ватсон.

— Эм-м… нет, в интернете я тоже не встречала никакой такой информации. Видите ли, я занимаюсь довольно специфическими вопросами, и всё, что их не касается — меня не интересует, — пояснила девушка.

— Гм… где-то я это уже слышал... — задумчиво промычал Ватсон.

— Ватсон, ты о чём? — спросил Холмс, вновь усаживаясь на своё место.

— Но расскажите же мне, чем так знаменит мистер Холмс, о чём гремит интернет? — спросила Дара. Она вновь присела за стол и с интересом приготовилась слушать.

— Холмс — частный сыщик, который умеет гениально раскрывать самые запутанные преступления благодаря своему дедуктивному методу. Он помогает полиции, и стал знаменит, когда я начал вести блог о наших с ним приключениях. Сейчас имя Холмса на устах у всего Лондона, — рассказал Ватсон.

— Ах, вот, в чём дело! — откликнулась Дара. — То есть информация о мистере Холмсе, по-видимому, находится в основном в различных криминальных новостях и всём таком прочем. Неудивительно, что я об этом ничего не слышала, такие новости меня совсем не интересуют. А что такое дедуктивный метод? — спросила она.

— Это внимательность к деталям, — пояснил Холмс, видимо решив продолжать впечатлять их собеседницу. — Детали несут в себе массу информации. Люди в основном упускают детали. Человека же можно читать, как открытую книгу, составлять из этих деталей слова, предложения, фразы, целые истории! Я просто замечаю детали. И запоминаю их все. Я могу по песку определить, из какого места он взят, по пыли на ботинках человека узнать, из какой части города он пришёл, могу идентифицировать любой вид табачного пепла, ну и так далее, — небрежно помахал он рукой в воздухе.

— Вот это действительно круто! — восхитилась Дара. — И вы всё это способны удерживать в своей голове одновременно?

— В основном — да. Но иногда мне приходится погружаться в мои «Чертоги разума», некоторая информация хранится довольно глубоко, — ответил Холмс.

— Ну, разумеется. Иными словами, можно сказать, что у вас большой объём оперативной памяти и потрясающая внимательность, — резюмировала Дара. — А также отличное умение анализировать и мыслить логически, так?

— Да, вы всё верно поняли, — подтвердил Холмс.

— А вы не ощущаете себя несколько перегруженным всей этой информацией? — поинтересовалась Дара.

— Я привык к этому. Я с детства такой, мой мозг натренирован и для него это обычное дело, — пожал плечами Холмс.

— Представляю, как ценит вас полиция, — задумчиво протянула Дара. — А почему вы выбрали область применения ваших способностей именно в криминалистике? С такими возможностями ума вы наверняка могли бы преуспеть в любой другой науке.

— Я об этом не задумывался, — ответил Холмс. — Меня увлекает то, что я делаю. Наука — это как-то абстрактно, а то, что делаю я — это жизнь, практика, которая сама идёт в руки. Мне интересно то, что актуально с практической точки зрения здесь и сейчас, и наука в том числе.

— Ну, это, я бы сказала, чисто из области личных предпочтений. Ведь каждому здесь и сейчас актуально что-то своё. Одному — рассматривать пыль на чужих ботинках, другому — пытаться сосчитать звёзды на небе, — задумчиво улыбнулась Дара.

— Ну и что толку от того, что он их сосчитал? Или что толку знать то, что земля вращается вокруг солнца, а не наоборот? — немного раздражённо задал свой привычный вопрос Холмс.

— Ну, если вы не видите применения этого с практической точки зрения, то да — в этом толку не особенно много, — согласно кивнула головой Дара.

— Вы серьёзно так считаете? — осведомился Холмс. — Обычно мне выносят мозг, когда я такое заявляю.

— Да, вполне серьёзно. Во всём должен быть практический смысл. Зачем учить математику или физику, если ты не знаешь, как их конкретно применять в жизни? — невозмутимо продолжила Дара.

— Но, если б все так рассуждали, мы бы так и остались жить в каменном веке, считая, что Земля плоская! — возмутился Ватсон. Он впервые столкнулся с тем, что кто-то так спокойно поддержал Холмса в этом вопросе. Впрочем, Ватсон отнёс это к тому, что они находятся в деревне, и людям здесь, видимо, мало что интересно, далее собственного курятника. Хотя он был немного разочарован, услышав такое от девушки, которая казалась ему очень симпатичной.

Но Дара возразила:

— Я так не думаю. Обязательно нашёлся бы человек, который очень сильно заинтересовался Землёй и увидел бы практический смысл в том, чтобы познать её такой, какая она есть, — сказала она. — И сделал бы это с шиком и блеском, ибо он был глубоко увлечён этим вопросом. Зато, он при этом мог вполне не знать, как помножить пять на десять, если для его дела это не нужно.

— Но это же элементарные представления о мире, в котором мы живём! Как можно их не иметь! — не унимался Джон, а Дара ответила:

— Как я могу констатировать, Джон, основываясь на своём собственном опыте, любые знания можно легко восполнить в любой момент, если человеку это необходимо. Актуальность вопроса определяет вашу эффективность. При необходимости курс высшей математики можно выучить за пару дней. И можно учить её годами в институте и тут же позабыть навсегда, едва покинув его стены, если она не пригодилась вам нигде в жизни.

— Вы пробовали учить курс высшей математики за два дня? — ухмыльнулся Ватсон.

— Да все студенты так делают! Во время семестра лоботрясничают, а потом учат всё скопом за два дня до экзамена, — рассмеялась Дара и продолжила, — А ещё, Джон, вот задумайтесь: известно, что учёные во все времена совершали массу ошибок и продолжают ошибаться сейчас. А вы не задумывались, что, возможно, они вновь ошибаются насчёт Земли и Солнца? Ну, что-то упустили, что-то ещё недооткрыли? Может, какое-то ещё измерение или даже не одно, с ракурса которых всё выглядит совсем не так, как сейчас принято считать?

— Нуу, это уж совсем из области фантастики! — протянул Ватсон.

— Джон, но ведь вы не будете отрицать того, что те люди, которые в своё время начали говорить о сферическом строении Земли, тоже слыли фантастами или попросту сумасшедшими? — спросила Дара.

— Но сейчас другие времена, сейчас всё не так, наука шагнула далеко вперёд! — ответил Ватсон.

— Вот я бы не стала себя так обнадёживать, — покачала головой Дара. — Представления о мире людей тех времён перевернулись с ног на голову, когда теория о сферическом строении Земли была признана. Допустите хотя бы на минутку то, что с нами подобное может также произойти в любой момент! Что найдётся человек, глубоко и гениально мыслящий, и откроет нечто, доселе совершенно неизвестное и непредполагаемое! Ведь это может оказаться всем, чем угодно! Не столь важно знать или не знать каких-то вещей, но гораздо важнее — не ограничивать своё сознание какими-то шаблонами или рамками. Вы обвиняете Шерлока в том, что он ограничил своё сознание вопросами, связанными лишь с его работой. Но вы сами ограничиваете своё сознание данными вам кем-то установками. Вам сказали поверить, что это так — и вы поверили, и не пытаетесь думать дальше и шире! И, пока так есть — человечество не сможет двинуться дальше. Но нам стоит думать, начать думать. Понимаете, Ватсон? Не повторяйте за кем-то то, что Земля вращается вокруг Солнца. Посмотрите на небо, если вам это интересно, и откройте это сами! Сами откройте! Для себя, для всех! Может, вы откроете то, что это так, но может вы откроете что-то совершенно принципиально новое!

Шерлок с интересом прислушивался к тому, что говорила Дара.

— Ну, не всем же быть гениальными учёными, — возразил Ватсон.

А Дара уверенно продолжала:

— Почему нет? Разве мы с вами чем-то отличаемся друг от друга? У нас у всех две руки, две ноги, одна голова и огромный потенциал! Но кто-то лишь использует его, а кто-то — нет.

— Может потому, что не может использовать? — сказал Ватсон.

— Или не пытается! — настаивала Дара.

Джон на секунду задумался и продолжил:

— Ну, хорошо, вот Холмс. Я живу вместе с ним бок о бок, мы работаем вместе над одними и теми же делами. Я вижу то же, что и он, бываю в тех же местах, что и он. Но он делает то, что он делает, а я так не могу. Как ни стараюсь! Вы думаете, я не пытался действовать подобно ему? Пытался, но всё равно ничего не выходит!

— Ну, значит, для этого нужно просто побольше времени, тренировки, практики, — ответила Дара. — А, возможно, вам это и вообще не нужно. Зачем вам быть таким, как Холмс, зачем делать то же, что и он? Возможно, у вас есть какой-то свой собственный метод или нераскрытый талант, который дремлет, пока вы тщетно пытаетесь угнаться за Холмсом.

— Может, и есть. Например, я врач и неплохой врач. Но по своей степени развития мой талант всё равно и рядом не стоял с его гением. Есть гениальные учёные, гениальные музыканты, художники, хирурги в конце концов. А есть обычные люди со средними способностями, — продолжал настаивать Джон.

— Или просто непроявленными или недоразвитыми, — не соглашалась Дара.

— Ну и как их же проявить и доразвить? Как прыгнуть выше собственной головы? — отчаянно спросил Ватсон.

Дара на секунду задумалась, собираясь с мыслями, и ответила:

— М-м-м, полагаю, для этого нужны следующие условия. Первое — мотивация. Вы должны найти то, что вам очень-очень хочется делать. То, что захватывает полностью всё ваше существо. Так, что вы не можете без этого жить. Второе — это тренировка. Вы должны полностью погрузиться в ваше дело, изучать, нарабатывать опыт, расти. Ещё — не стараться быть ни на кого похожим, а искать именно свои скрытые резервы и возможности, свои индивидуальные, какими бы странными и необычными они поначалу не казались.

— Ну, видимо всё это не так просто, раз большинство людей не становится гениями, — вновь возразил ей Ватсон. — Есть, например, художники — неудачники, средние актёры, неважные певцы. Они хоть и любят своё дело и горят им, и имеют свой собственный стиль, но больших успехов не добиваются.

Джон подлил себе ещё чая, но Дара продолжала:

— Значит, ещё недораскрыли свой стиль, ещё не нашли свой бриллиант. В этом случае нужно искать то, что им мешает добиться высокого уровня. Бывает, человек хочет стать певцом не потому, что он любит петь, но потому, что хочет стать известным, получить признание, хочет стать лучшим. Это мешает. Сковывает. Человек циклится на своём успехе, но не самом пении. Иногда, даже и забывает о пении. А нужно просто петь! Не для себя, не для славы, не для успеха. Нужно петь просто потому, что вы не можете не петь. Потому, что песня рвётся из вас, что вы становитесь самой песней! Песня ради песни. Не ради чего-то ещё. Понять суть песни и выразить её, выразить себя!

Дара говорила так пылко, что Джон вдруг ярко увидел эту картину. Он сказал:

— Как хорошо вы говорите, Дара. Послушать вас, и правда начинаешь вдохновляться. Ведь это о Шерлоке. Он именно становится этой самой песней, когда ведёт расследование. Он забывает обо всём, он растворяется в нём, мир для него перестаёт существовать. И он абсолютно индивидуален, не похож ни на кого, как бы это ни проявлялось и чем бы ни было чревато, он верен себе и своему, как вы выразились — «бриллианту».

— Вот поэтому он и добивается таких результатов! — восторженно выпалила Дара. — А те, другие — нет. Они просто выполняют работу. По инструкции, по технологии. Но они не становятся тем делом, которое делают, не чувствуют его изнутри, так что ли. Вот вы, Ватсон, вы лечите людей потому, что хорошо обучены это делать, или потому, что растворяетесь в процессе, когда работаете?

— Нет, — ответил Джон. — Я больше следую инструкции. Я знаю, что нужно делать и как, и просто делаю это. Потому, что я врач. Это моя работа. Не всегда приятная. Не могу сказать, чтоб моя душа пела, когда я иду на эту работу. Но я знаю, что делаю её хорошо, вот и делаю.

— Вот вам и ответ! — сказала Дара.

После её слов Холмс и Ватсон оба погрузились в некоторую задумчивость. За окном уже совсем стемнело, и начали свой неистовый концерт сверчки. Дара неспешно занялась приборкой кухни и спросила:

— Так вы, видимо, сейчас едете в Дартмур расследовать какое-то очередное тёмное дело? Думаю, это самое место для этого. Я слышала о том, что там находится какая-то секретная исследовательская база, о ней ходят разные слухи. Неужели вы держите путь туда?

— Да, именно так, вы угадали, — встрепенулся Ватсон.

— Случилось что-то серьёзное?

— Да, к нам обратился мужчина, который утверждает, что его отца убило какое-то чудище, а сейчас оно охотится за ним, — продолжал Ватсон.

— Вы считаете, дело в базе? Но пустят ли на неё частного сыщика? — поинтересовалась Дара.

— Вот мы и хотим всё это выяснить, — ответил Холмс.

— Что ж, обязательно поинтересуюсь теперь вашим блогом, мистер Ватсон! Очень интересно, что вы там найдёте! — весело сказала Дара.

— Однако, ответьте, верно ли всё, что сказал о вас Шерлок? — полюбопытствовал Ватсон, возвращаясь к разговору о Даре. Она ещё больше возбудила в нём интерес своими пылкими, искренними и не такими уж, как оказалось, и глупыми речами.

— Да, всё верно до последней детали, это здорово! Он всё понял верно! — Дара, казалось, была в полном восторге.

— Ну, это далеко не всё, — отозвался Холмс, тоже выходя из своей задумчивости.

— Холмс! — протестующе выкрикнул Ватсон.

— Вы ещё что-то можете обо мне рассказать? — заинтересованно спросила Дара.

— О да, и многое, — ответил Холмс.

— Холмс, прошу тебя. Мисс Олсон любезно оказала нам гостеприимство, не усугубляй! — продолжал предупредительно настаивать Ватсон.

— Почему, Джон? Почему вы не хотите, чтобы Холмс продолжил? — удивлённо спросила Дара.

— Потому, что Холмс слишком много говорит. Чересчур много, и зачастую то, что вовсе не следует говорить, — многозначительно глядя на своего друга, ответил Ватсон.

— О, я, кажется, поняла... — протянула Дара.

— Да? — вскинул на неё брови Холмс.

— Вы видите какие-то вещи, которые люди хотели бы скрыть? — спросила Дара, прямо смотря ему в глаза.

— Более того, в силу своей работы я ищу их целенаправленно! — отвечал Холмс.

— Работа работой, но, если человек не нанимал вас ни на какую работу, выискивать и раскрывать такие вещи не очень-то … эм-м… этично! — заметил Ватсон.

— Почему? — невозмутимо вопрошал Холмс.

— Почему? Ты не понимаешь этого, Шерлок? Ты ведь можешь сделать больно человеку, сказав то, что он не хочет, чтоб кто-то озвучивал, — возмущённо ответил Ватсон.

— В таком случае нужно прятать свою ложь лучше. Я не виноват, что люди всё время лгут и не думают, — равнодушно и немного презрительно отозвался Холмс.

— Но ты можешь, можешь хоть поинтересоваться прежде у человека, насколько он хочет, чтобы ты что-то о нём говорил? — не унимался Ватсон.

— Да, иногда это бывает разумно, — согласился Холмс. — И я так делаю, если ты замечал, — отметил он, многозначительно подняв вверх указательный палец. И быстро прибавил: — Но редко.

— Эм-м... если обо мне — то я не против, — вмешалась в разговор Дара. — Благодарю вас, Джон, за то, что вы обратили внимание на такой важный момент. Думаю, это действительно важно — прежде предупреждать человека и спрашивать его разрешения... эм-м… в таких вопросах. — Дара на секунду опустила ресницы. — Хотя, не факт, что это лучшее решение, — прибавила она быстро и ровно с той же интонацией, с которой Холмс только что произнёс своё «Но редко».

Холмс предельно внимательно и чуть дольше обычного посмотрел на неё.

— И так, Холмс, что вы ещё могли бы рассказать обо мне? Мне интересно это услышать! — всё также весело прощебетала Дара.

— Ох, мисс Олсон, только потом не говорите, что я вас не предупреждал! — Ватсон обеспокоенно поёрзал на стуле.

Холмс заговорил:

— Итак, вы коренная лондонка, с высшим образованием, из хорошей семьи, два года назад переехавшая в сельскую глубинку. Арендовали здесь дом, занимаетесь огородом, ещё какими-то посадками… Работаете вы с детьми. Скорее всего по этой же теме. У вас масса книг по природе, деревьям, птицам, травам, насекомым. Игрушки, поделки, рукоделие и материалы для них. Своих детей у вас нет, поэтому это всё вам для занятий с другими детьми. Видимо, вы работаете в школе. Дома вы практически не бываете. Он для вас скорее что-то вроде какой-то базы, где хранятся ваши вещи и где можно переждать непогоду. Не заметно, чтобы вы уделяли ему особенное внимание. Хотя в нём вполне чисто и прибрано. Видимо, вы это делаете для тех частых гостей, которые у вас бывают. Вам хочется, чтобы они чувствовали себя здесь комфортно. Сами вы заняты каким-то большим и важным для вас делом и всё ваше внимание и силы направлено на него. Весь ваш день проходит на природе. В вашем саду, в котором царит завидная добротность и красота, или в поле, по дороге из которого мы с вами и повстречались. Сегодня утром вы встали с рассветом, искупались в реке или озере и весь день провели на открытом воздухе. Вы ведёте очень натуральный образ жизни. Никакой искусственной косметики или бытовой химии. Вы практически не ухаживаете за собой, но вам это и не нужно. И не потому, что вы живёте в деревне и здесь не перед кем наводить марафет. Вы очень естественны сами по себе. Кроме того, скорее всего вы ещё преподаёте танцы или что-то в этом роде. При отсутствии в доме какой-либо техники, у вас много музыкальной аппаратуры. Колонки, айпад, магнитофон, диски. Вы всё это куда-то часто носите, видимо, чтоб проводить занятия где-то. Отличная осанка, пластика, лёгкость в движениях говорят о том, что вы неплохо владеете своим телом и тренируете его.

— Холмс, вы совершенно меня засмущали! Всё верно, это потрясающе! Спасибо вам! Ватсон, ну это же чудесно, вы напрасно беспокоитесь, — весело и немного смущённо отвечала Дара.

Ватсона всё больше очаровывала эта абсолютная искренность и простота этой девушки. Он сказал:

— Обычно он не так любезен, потому я и беспокоюсь.

— А Ватсон прав. Холмс, ведь видимо и это ещё не всё? Так не бывает, чтобы были одни «цветочки». Наверняка, вам есть, что ещё сказать, — серьёзно продолжила Дара.

— Да. Но вы уверены, что хотите, чтоб я это озвучил? — спросил Холмс.

— Да, вполне. Ведь правда не будет правдой, если она скрыта наполовину. Я за полноценную правду. Как я поняла — вам такая позиция очень близка. И это здорово. Прошу вас, говорите всё без недомолвок, — уверенно произнесла Дара.

Холмс откинулся на спинку стула и, слегка прикрыв глаза, быстро произнёс:

— Хорошо. Вы одиноки. Чертовски одиноки тут. У вас нет друзей. Вообще нет. Нет семьи. Вернее, ваша семья осталась там. Ваши родители вас не поддержали. И ваши друзья тоже. Вы говорили, у вас бывают гости. Но они приезжают лишь ненадолго и нечасто. Вам не на кого положиться, вам даже не с кем поговорить здесь, чтоб вас поняли.

— Холмс, хватит! — воскликнул Джон, когда увидел, что глаза Дары наполнились слезами.

— Нет, нет, Джон, не беспокойтесь! Вы не так поняли… Я... я... Я очень благодарна вам, Холмс. Спасибо вам. За то… что вы так внимательны к людям. Так... Ах, если бы все люди были так внимательны друг к другу! — Дара смущённо опустила глаза и смахнула слёзы.

Холмс и Ватсон удивлённо посмотрели на Дару.

— Я правда очень благодарна вам, Холмс, — успокоившись сказала Дара. Она поднялась, подошла к нему и поцеловала его в щёку, как ребёнок.

Холмс залился краской и закашлялся.

— Гхм… я… ну... В общем я не привык получать такую реакцию на свои наблюдения, — запинаясь, ответил он.

— Это потому, что люди живут во лжи и боятся правды и ненавидят её даже, — задумчиво сказала Дара, опускаясь на стул.

Холмс не отрывал взгляда от Дары:

— А вы, стало быть, не боитесь?

— В один прекрасный момент я поняла, что это бессмысленно. Она ведь никуда не денется, так? Не исчезнет, не переродится в ложь. Так какой смысл? — спокойно сказала она.

— Но люди живут во лжи и успешно, всегда живут так, — насмешливо ответил Холмс, потирая руки.

— Это не жизнь, — пожала плечами Дара, и в её глазах проскользнула печаль.

— А что же? — удивлённо спросил Холмс.

— Иллюзия жизни, — всё также печально отвечала Дара.

— А что есть не иллюзия? — напористо спросил Холмс.

— Жизнь в правде. Быть самим собой, поступать по душе и по совести, а не как презентабельнее, — уверенно ответила Дара.

— За это можно прослыть хамом. Или психопатом. И периодически получать по морде, — Холмс откинулся на спинку стула, складывая ладони у лица.

— Да, сейчас так, — взгляд Дары был сейчас каким-то другим. В нём сквозили уже не веселье и мягкость, но вместо этого наряду с лёгкой печалью ощущалась большая серьёзность, упорство и сила.

Холмс повернул голову и продолжал всё пристальнее сверлить глазами Дару. Ватсон смотрел на них обоих и не знал, что сказать. Дара продолжала:

— А вы сами, мистер Холмс, как относитесь к правде?

— Я? Что вы имеете ввиду? — вопрос для Холмса прозвучал несколько неожиданно.

— Ну, я так поняла, что вы любите говорить правду, и не любите её скрывать, предпочитая получить лучше за это в морду, — спокойно и серьёзно проговорила девушка. — А как вы сами реагируете на то, когда вам говорят правду?

Холмс на секунду задумался.

— Я не знаю. Мне её ещё никто толком не говорил. Люди говорят... Они, бывает, говорят что-то, но это не правда. Они не домысливают, говорят полуправду, приправляя её неверными домыслами... Это бывает противно. А разубеждать их бесполезно. Да и вообще... — казалось, Холмс готов был погрузиться в свои мысли.

Дара быстро вырвала его из его задумчивости:

— А как вы узнаёте, что есть правда, а что нет?

Холмс встрепенулся и ответил:

— Правда?.. — голос Холмса чуть дрогнул, — она бьёт в самое сердце... И... Не знаю, дальше не знаю. Повторю, я её никогда не слышал в свой адрес. Только полуправду или откровенную ложь.

— А хотели бы услышать правду? — Дара смотрела на Холмса в упор.

Холмс удивлённо взглянул на Дару.

— Зачем вы это спрашиваете? — спросил он.

— Я спрашиваю вашего разрешения... — слегка опустив глаза, ответила Дара.

— Раз...решения? — Холмс ещё более удивлённо поднял на неё брови. — Имеете ввиду, что вы хотите сказать какую-то правду обо мне?

— Я полагаю, что да, — всё так же как бы немного смущённо отвечала Дара. — Если вы пожелаете.

— А с чего вы так в этом уверены? Вы видите меня впервые в жизни. Вы даже блог Ватсона обо мне не читали... — несколько нервно ответил Холмс.

— Вы... просто вы очень искренний... Я... хорошо вас почувствовала... — тихо ответила Дара, поднимая на него взгляд. Этот необычный мужчина сразу сильно привлёк её внимание ещё там, когда она подошла к ним на дороге. От него исходила бурная мятущаяся энергия даже тогда, когда он старался держаться вежливо, невозмутимо или надменно. Поразительно живой и глубокий взгляд, который, казалось, пронизывал всё насквозь и замечал всё на свете. Или он чувствовал всё кожей даже тогда, когда его глаза были закрыты. И живость, удивительная живость, которая сквозила в каждом его движении и жесте, как бы он порой ни старался её скрыть. И эта искренность. Дара больше ни у кого из взрослых людей не встречала такой чистой искренности. Нет, он не был искренним каждую минуту, он, как и все, старался носить защитную маску и «держать лицо». Но эта искренность была сильнее него. Она со всем своим естеством прорывалась в любой желанный момент и рвалась к жизни.

Холмс был в некотором недоумении.

— По-чувствовали? И что, что вы там почувствовали? Чувства — это лишь заблуждение, это то, что сбивает, мешает чёткой и беспристрастной работе ума! — резко выдал он свою любимую тираду.

— Нет же, это не так! — уверенно ответила Дара.

— Не так?

— Ну, разумеется. Вернее, конечно, это может быть и так, если не уметь замечать, осознавать и анализировать свои чувства. Тут так же, как и с деталями. Кто-то замечает всё, до мельчайшей детали, а кто-то в упор не видит того, что у него перед глазами. Кто-то знаком с самыми разнообразными деталями, как со своими пятью пальцами, а для кого-то они неведомы. Кто-то может связать их в цепочку, а кто-то ни за что не догадается, как это сделать. С чувствами примерно то же: если вы умеете делать с ними всё то же, что вы делаете с деталями, они служат вам прекрасную службу, а не мешают вам, мистер Холмс, — пояснила Дара.

— Это интересно то, что вы говорите, я никогда ранее ничего такого не слышал. Но я не совсем понимаю. Чувства — это нечто субъективное, спонтанное, зачастую хаотичное. А детали — это факты, которые можно рассмотреть, пощупать, понюхать, провести химический анализ, — ответил Шерлок.

— Ровно то же самое можно делать и с чувствами, — сказала Дара. — Вот смотрите: на рукаве у Джона пристала нитка. — Дара кивнула в сторону Ватсона. — Для меня это — просто нитка. Я ничего о ней не знаю, кроме того, что это какая-то случайная нитка. А для вас она — кладезь информации. Состав волокна, её форма, состояние, какие-то пятна на ней, ну я не знаю там, что вам важно. Вы это всё проанализируете и по ней сможете определить хоть бы и то, что ваш друг делал вчера вечером. Скажем, — она на секунду замолчала и пристально посмотрела на нитку и, пожав плечами и улыбнувшись, продолжила, — то, что он встречался с девушкой швеёй-рукодельницей. И дело не в нитке, дело в том, что просто вы знаете, что с этой ниткой нужно делать. Но то же с чувствами — вот в вас возникло некое чувство. Для вас это может быть просто какая-то мешающая эмоция, не понятно, как и для чего пришедшая к вам, от которой вы поспешите отмахнуться, но любую эмоцию можно разложить «по полочкам», и она станет для вас кладезем информации, как эта нитка, — объясняла Дара.

— Каким образом можно разложить эмоцию и сделать её источником информации? — спросил Холмс.

— Каким образом вы узнали, что у меня вчера было свидание с рукодельницей!? — спросил Ватсон.

Холмс и Ватсон переглянулись, выпучив глаза, и уставились на Дару.

— Так это и правда было так? — засмеялась Дара. — Вот здорово у меня получилось!

— Что получилось? Как вы это узнали? — не унимался Ватсон.

— Не могу точно этого объяснить, — ответила Дара. — Я не столько анализировала эту нитку, но больше почувствовала её.

— Почувствовали НИТКУ? — спросил Холмс.

— Ну да. И всё, что с ней связано. Можно сказать, она сама мне рассказала о том, откуда она взялась у Ватсона — наверное, это так можно описать.

— Каким образом?

— Каким? — Дара задумалась, подбирая слова. — Ну вот скажите, Холмс, ведь наверняка не всё, что вы выдаёте, основано только на вашей дедукции. У вас ко всему прочему наверняка хорошо развита интуиция, так? Ведь бывает такое, что вы просто знаете что-то. Вот знаете, и всё. Чутьё, внутренняя уверенность, ни на чём не основанная. То, когда чувство срабатывает быстрее разума, ну?

Холмс всё внимательнее смотрел на их собеседницу. Она уже не в первый раз говорила что-то, что не только выбивалось из привычного взгляда на вещи, но и почему-то, кажется, волновало что-то очень глубокое в нём. Он ещё не мог это осознать, его внутреннее волнение нарастало. Впервые в жизни он испытал странное чувство. Что он не успевает за чьей-то мыслью. И уж точно не может её предугадать. Эта девушка определённо не была похожа ни на кого из людей, с кем ему доводилось до этого общаться. Её ответы были непредсказуемы, а её заявления неожиданны. Хотя она и не вела никакой игры. Обычно он мог предсказать всё, что скажет ему собеседник на много фраз вперёд. Что кто подумает, как отреагирует, что спросит. Она же реагировала на всё, что он говорил, совсем не так, как все. Реагировала живо, открыто, без тени какого-либо страха. Она искренне радовалась как ребёнок там, где другие входили в ступор. Она плакала и благодарила там, где другие начинали отпираться или злиться. А сейчас начало происходить вообще нечто невероятное. Как она узнала всё об этой чёртовой нитке? И ещё — такое впечатление, что она вознамерилась объяснить что-то ему, ему — Холмсу! Она не просила его объяснений, но она наоборот будто увлекала его туда... Куда? Куда она его ведёт?

— Холмс, постойте! Не уходите в свои размышления, последите пока за моей мыслью, прошу вас, — словно выдернула она его из мимолётной задумчивости.

— Я слежу. Вы спросили про интуицию.

— Да, — ответила Дара и повторила свой вопрос ещё раз.

Холмс чувствовал, что внутри него что-то сопротивляется, не хочет следовать за её мыслью. Но ему было любопытно.

— Да, — ответил он, преодолевая своё сопротивление, — мне знакомо это явление, я им пользуюсь.

— Насколько часто? В процентах, например. Сколько процентов от ста вы бы отдали своей интуиции? — быстро спрашивала она.

Холмс задумался.

— Зависит от ситуации… Возможно, двадцать-тридцать... Когда больше, когда меньше... Иногда семьдесят... Бывало и сто процентов.

— Вот! Например, когда вы говорили обо мне. Вот про мою семью. Скажите, ведь не было никаких деталей, указывающих на ситуацию с ними. Только то, что моя семья практически не вхожа в мой дом. Вы не обнаружили никаких деталей того, что кто-то из моей семьи часто бывает у меня. И всё. Но, тем не менее, вы чётко озвучили, что они остались в Лондоне и не поддержали меня. Ведь это была скорее догадка, так? — Дара говорила быстро, ровно также быстро, как и Холмс, когда он излагал свои рассуждения.

— Именно то, что вы озвучили — да, скорее догадка. Сотни деталей слились в один рассказ, всё указывало на то, что так и есть, но этот момент, вы правы, я скорее ощутил, чем мог бы доказать детально.

— И вы оказались правы.

— Это был тонкий лёд, и он, бывает, даёт осечку. Предпочитаю всё же основываться на фактах, — сказал Холмс.

— Но, тем не менее, цитируя вас: «бывало и сто процентов»... — Дара прямо смотрела на него.

— Я как-то не задумывался раньше об этом... Да, я пользуюсь интуицией и дедукцией. Куда вы ведёте, к чему эти вопросы? — пожал плечами он.

— К разговору о важности чувств. Ведь интуиция, внутреннее знание — это именно о чувствах. Это не работа вашего ума. Это тот же источник, где вы переживаете и чувство любви, страха, душевной боли или радости, — ответила Дара.

— Но это эмоции. Эмоции и интуиция — я разделяю их, — объяснил Холмс.

— Их нельзя разделить! — возразила Дара. — Их можно либо слышать, либо пытаться что-то глушить. Иногда, глуша то, что нам кажется помехой, мы теряем самое важное, — подчеркнула она. — Точно также, как когда не замечаем каких-то деталей, когда не знаем, как их использовать.

— Хотите попытаться доказать мне, что к чувствам нужно изменить отношение? — спросил Холмс. Он всё ещё не понимал, к чему она клонит.

— Скорее хочу показать, как их можно использовать, — пояснила Дара.

— Вы считаете, мне это необходимо? — вскинул брови Холмс.

— Да, — безапелляционно ответила она.

— Почему?

— От этого зависит эффективность вашей работы.

— Каким образом?

— Так вы даёте мне разрешение? — ответила она вопросом на вопрос.

— На что?

— Сказать вам правду о вас.

Ватсон не отрывал взгляда от этих двоих. Казалось, будто воздух между ними наэлектризовался так, что начинал потрескивать. Они смотрели друг на друга, словно хотели просверлить насквозь своими взглядами. Холмс выдержал небольшую напряжённую паузу и, несколько надменно произнёс, откидываясь на спинку стула:

— Ну хорошо, валяйте, жгите, что вы там хотите обо мне рассказать!

Дара вновь опустила ресницы и на секунду замолчала, словно собираясь с мыслями. Она будто немного ушла в себя, вздохом выровняла своё дыхание и начала говорить:

— Я уже сказала, что ощущаю вас очень искренним человеком. С большим чутким сердцем. Но это сердце было сильно ранено. Давно, в детстве, и подвергалось этому ранению потом ещё долго и многократно. А сейчас оно привыкло к этому ранению, смирилось с тем, что по-другому быть не может. В вас борются две сущности. Одна из них всё так же чутка и заходится порой от боли. Другая... решила закрыться от мира и от массы чувств. Вы одиноки. Джон — сейчас ваш самый близкий друг и, кажется, единственный... с кем вы... кто согревает вам сердце. Он... не подходит вам... Он... тоже был одинок.. Вы затащили его в свой мир, а он с радостью согласился... Не потому, что это его мир... просто он был тоже одинок. И не знал, что ему делать со своей жизнью. Вы даёте ему драйв жизни, который ему, по сути, чужд, но нужен ему, как наркотик, ибо без него смысла в его жизни нет. А он для вас — та самая опора, ощущение нужности кому-то, близости с кем-то. Которой вы были лишены всю свою жизнь.

Вы... никому не верите... не ждёте ни от кого тепла и понимания... Вы предпочли стать интеллектуальной машиной. И вы очень боитесь, что эта машина испортится, начнёт давать сбои. Это — ваш самый главный страх. Вы боитесь облажаться. А ещё более того вы боитесь, что когда-то ваш мозг начнёт отказывать вам. И вы начнёте ошибаться, всё больше и больше...

— Хватит, довольно! — Холмс ударил рукой по столу.

Дара будто пришла в себя из лёгкого забытья. Она посмотрела на него внимательно и спокойно.

Холмс вскочил и нервно ходил по кухне. Дара ждала, что он скажет. Холмс понемногу успокоился.

— Думаю, это нормально. Да, со временем человеческий мозг может начать давать сбои. Люди стареют, умирают в конце концов. Да, когда-то это произойдёт, то, что вы говорите. Думаю, мне стоит поменьше циклиться на этом страхе. Он... бессмысленная помеха. Спасибо вам, что помогли мне обратить на него внимание.

— Я рада, что вы так здорово управляетесь со своими эмоциями, — Дара улыбнулась. — Ватсон, простите, я невольно завела речь о вас, хоть и не спрашивала вашего на то разрешения. Я вас задела?

Ватсон, до этого сидевший в полном ступоре от происходящего, встрепенулся.

— Нет, нет, ничего, это ничего… Вы ничего такого не сказали… чего бы я... и сам не знал... Именно это мы обсуждали с моим психотерапевтом... Только я не понимаю, КАК? Как, откуда вы всё это узнали обо мне?

Холмс и Ватсон смотрели на Дару во все глаза, в которых застыл немой вопрос.

— Я ощутила это…

— Вы что, из этих, экстрасенс? — немного презрительно спросил Холмс.

— Что вы имеете ввиду под этим словом? — Дара посмотрела на него.

— Провидец. Тот, кто слышит голоса, кому приходят в голову всякие... эм-м… видения, пророчества.

— Нет. Не так. Это не видения. Ну и ни какая-то ещё там эзотерика. Это просто чувства. Обычные человеческие чувства. Вот мы с вами общаемся, и во мне возникают различные чувства, вы тоже испытываете чувства. Они меняются, одни приходят, другие уходят, третьи остаются и докучают нам так, что хочется их отогнать. Ну и так далее. Но каждое из них имеет свою историю, никакое из них не возникает просто так. И, если вы с ними хорошо знакомы, вы легко читаете эту историю. Почему оно возникло, для чего оно пришло, о чём хочет сказать нам. Я просто очень внимательно к ним прислушиваюсь, замечаю их всех. Свои, ваши. Также, как вы, Холмс, внимательно присматриваетесь к деталям и учитываете их всех, то же я делаю с чувствами. Как вы анализируете детали, я учусь анализировать чувства.

Это объяснение прозвучало довольно любопытно, и Холмс поинтересовался:

— И что же, как можно научиться такому фокусу?

— Если хотите, я смогу помочь вам это понять, но это займёт время, возможно довольно много. Вам придётся довольно глубоко познакомиться со всеми своими чувствами, — ответила Дара.

— А что, сейчас я с ними незнаком? — не понял Холмс.

— Нет, — без тени сомнения ответила Дара. — Вы либо не замечаете их, либо не понимаете, либо отметаете, либо пугаетесь их, с какими-то из них не знаете, что делать. И потому у вас не жизнь, а один сплошной бедлам.

— О, это точно! — отозвался Ватсон.

— Потому я и стараюсь очистить свою жизнь от эмоций, чтобы всё пришло в порядок! В чёткий логичный порядок! — сообщил Холмс.

— И как, получается? — осведомилась Дара.

— О да, блестяще! — саркастически заметил Ватсон.

— А что не так с моей жизнью, что тебя не устраивает? — нервничал Холмс.

— Пальба в стены, постоянное сумасхождение, будто ты сам не знаешь? — начал перечислять Ватсон. — Мне продолжить?

— Ну да, я такой, — раздражённо согласился Холмс. — Меня бесит, когда что-то не получается или когда нет достойной работы для моего ума!

— Дело не в уме, — сказала Дара. — Когда нет достойной пищи для вашего ума, тоскует не ум. Тоскует ваша душа. Вернее, вы тогда начинаете чувствовать её тоску. Это не ум ощущает пустоту, это ваша душа. И это чувство сводит вас с ума. Ваш ум не знает, что с ним нужно делать. И тогда он либо бросает вас в какое-то безрассудство, либо к наркотикам.

— Что? С чего вы взяли про наркотики? — ошалело смотрел на неё Холмс.

— Простите, Шерлок, если задела вас за больное. Но это видно невооружённым взглядом, — пожала плечами Дара.

— Так, ладно. И что? К чему весь этот разговор? Какой, вы считаете, должна стать моя жизнь, если всё это изменить? — нервно спросил Холмс.

— Только такой, какой вы её сами захотите видеть, — спокойно ответила Дара.

— Что это значит? Какой я её должен хотеть видеть? — не понял Холмс.

— Вы сами управитель своей жизни. Вы решаете, чем её наполнять, в какое русло вести, — пояснила Дара.

— А что же сейчас? Я её никуда не веду? — логически заключил Холмс.

— Именно так, блестяще! — радостно воскликнула Дара и продолжила: — Сейчас вы просто ждёте новых дел, загадок и авантюр. А в перерывах сходите с ума. Но вы не строите свою жизнь, вы — не хозяин ей.

— А кто хозяин? — с опаской спросил Холмс.

— Ваши чувства. Они управляют вами, они бросают вас на риск, они заставляют вас беситься, сходить с ума, лезть на стены.

Холмс сидел как пришибленный. Он осознал.

— Мои чувства владеют мною превыше моего ума? — медленно проговорил он.

— Да, именно так, — подтвердила Дара. — Только во время ваших расследований ваш ум более-менее берёт дело в свои руки. Но вашей жизнью он не управляет.

В голове Холмса проносился вихрь мыслей, какие-то из них начинали складываться в цепочки и собираться в паззлы, другие освещали какие-то жизненные моменты, которые ему были доселе непонятны, и вот они открылись для него в новом свете.

— Но что делать? Как взять над ними власть? — наконец произнёс он.

— Погрузиться в них. Исследовать. Исследовать вдоль и поперёк. Научиться разбираться в них, как в самых тёмных закоулках ваших чертогов разума, — рассказывала Дара. — Научиться видеть в них информацию, посыл, выстраивать их в логическую цепочку. Научить

ваш ум сотрудничеству с ними, большому взаимовыгодному сотрудничеству. Если вы это сделаете — не только ваша жизнь придёт в порядок, но и ваши способности возрастут многократно.

— Как возрастут? Как многократно? — обеспокоенно спросил Шерлок.

— Нет смысла загадывать, — пожала плечами Дара, устремив взор куда-то высоко, будто за пределы потолка кухни.

Холмс долго задумчиво посмотрел на неё и ушёл в какие-то размышления. Ватсон, казалось, боялся пошевелиться, дабы не нарушить ничего происходящего. Он не раз видел Холмса очень озадаченным, но сейчас ему не хотелось злиться на него или прерывать. Было ощущение, что сейчас на этой маленькой кухонке происходит что-то действительно важное. Да ему и самому было интересно подумать над загадкой, которую вот так неожиданно им задала Дара. Довольно скоро Холмс прервал молчание.

— Значит, чувство — это деталь? Деталь, которую нужно исследовать? — пытливо спросил он.

— Да! — отозвалась Дара, которая тоже терпеливо ожидала того, когда он подумает.

— И как это сделать?

— Ну, давайте попробуем. Давайте возьмём и поисследуем какое-то ваше чувство. Какое бы вы хотели? — спросила она.

— Толком не знаю, у меня сейчас сумбур в голове и в чувствах, — замешкался Холмс.

— Это как детали. Они смешались, они мельтешат перед глазами и вы не можете хорошенько рассмотреть их, да? — уточнила Дара.

— Да, что-то в этом роде, — согласился Холмс.

— Возможно, вы сможете выделить какую-то главную деталь? То есть — возможно есть сейчас какое-то чувство, которое главенствует над всем? Присмотритесь, попробуйте его вычленить! — попросила Дара.

— Я… я не знаю... — Холмс замялся, прислушиваясь к тому, что происходило в нём самом. И вдруг неуверенно, явно делая над собой большое усилие, сказал: — Я… боюсь его назвать...

— Боитесь назвать чувство?

— Да.

— Это означает, что вы боитесь самого этого чувства, — не спеша заговорила Дара. — И это вас ограничивает. Это отдаёт вас под власть этого чувства. Оно управляет вашими поступками. Вами управляет то, чего вы боитесь. То, что вы делаете — вы совершаете под влиянием этого чувства. — Дара сделала паузу, глядя на Холмса и определила, что он осознал сказанное ею. Она продолжила:

— Далее. Сейчас вы поняли это, и это вас бесит, вас бесит вообще вся эта ситуация, — продолжала она, наблюдая за ним. — И теперь в вашей голове возникло решение: вы хотите заглушить в себе это чувство. Вуаля — и проблема решена! — ответила она, не сводя взгляда с его лица. — Да? Или нет? Если честно? Это чувство ушло? Прислушайтесь!

— Кажется, да, — Холмс улыбнулся, удовлетворённо расправил плечи и с некоторым вызовом посмотрел на Дару.

— Нет. — Отрезала Дара. — Вы просто заглушили его в себе. Вы решили надеть маску уверенности и вседозволенности. Но, знаете, что вы сделали на самом деле, Холмс?

— Что?

— Вы упустили кучу информации! — воскликнула она.

— Какой?

Дара вновь заговорила быстро, в такт тому, как Холмс выдавал обычно поток своих мыслей:

— Причины этого чувства. Почему оно в вас возникло? Оно ведь было очень мучительно, так? Оно терзало вас изнутри. Бесило, выводило из себя, заставляло ощущать себя ничтожеством. Что это было? Что за загадка, что за игра развернулась сейчас в вас самом? Что стало её мотивом, почему началась эта игра? Просто так, ни с того ни с сего? Так не бывает. У преступления всегда есть мотив. Почему она шла именно так, как шла, а не по-другому, эта игра? Холмс, вы всё это упустили! Если стереть все улики, преступление не самоликвидируется вместе с тем, преступник не станет праведником. Это будет просто нераскрытое преступление, несовершённое правосудие. А если преступник маньяк? О, это будет неликвидированная опасность! А ваше чувство — оно похоже на маньяка. Оно будет приходить к вам снова и снова и доставать вас, выводить из себя, сводить с ума, превращать вас в идиота в самые неподходящие моменты!

Холмс очумело смотрел на Дару.

— А вы уже поняли, кто маньяк? Кто преступник? — спросил он крайне взволнованно. — Какое чувство я пытался скрыть?

— Да. Хотите, чтобы я назвала его? Да, впрочем, дело не в том, кто преступник, вопрос в том — почему он преступник? Иногда преступники бывают праведниками. Те преступления, которые они совершают — это и не преступления вовсе, совсем наоборот. Холмс, вам ведь наверняка приходилось не предавать правосудию, а наоборот — помогать преступникам избежать возмездия? — спрашивала она.

Холмс удивлённо посмотрел на Дару.

— Вижу, что да, и неоднократно, не отвечайте, — ответила она за него. — Так вот. Дело не в том, чтобы наказать преступника. Дело в том, чтобы понять мотив преступления, понять саму личность преступника, и принять верное решение о том, что с ним делать. Согласны?

— Более чем. Но как... как всё то, что вы говорите, применить к моим чувствам? — спросил он.

— Именно так. Проведите расследование. Допросите это своё чувство. Выпытайте всю его историю от начала до конца. Рассмотрите его под микроскопом, не упуская ни одной его детали. Одна лишь разница: вам придётся делать это тоже именно чувствами, а не своим умом. Ловить все движения своей души и расшифровывать их друг за другом.

— Это кажется непостижимым, — выдохнул Холмс. Он никак не мог взять в толк, как можно чувство запихать под микроскоп.

— Ничуть, — возразила Дара. — Немного исследования, тренировки — и всё пойдёт как по накатанной, как и в любом другом деле. И ещё во всём этом очень важен один момент — нужно быть честным самому с собой. Не пытаться врать себе и подменять чувства, ибо это сведёт все усилия к нулю. Чувства нужно брать такими, какие они есть, без прикрас. Как улики.

Холмс немного помолчал и спросил:

— Но вы назовёте имя моего чувства? Того, что я хотел скрыть.

— Вы хотите? — посмотрела на него Дара.

— Да.

— Проверяете меня? — поинтересовалась она.

— Возможно, себя… — ответил он, чуть опустив взгляд.

— Хорошо, — согласилась Дара. — Это был стыд, так?

— Как вы, откуда вы знаете? — вспыхнул Холмс.

— Холмс, но вы ведь тоже вполне умеете угадывать по лицу человека многие его эмоции, так? — пожала плечами Дара.

— Да... я… конечно, в этом нет ничего сложного, — растерянно ответил он.

Холмс то удивлённо таращился на Дару, то уходил в себя, продолжая что-то осмыслять.

— У вас всё обязательно получится! — весело сказала Дара. — У вас уже замечательно получилось.

Холмс смотрел на неё, он очень хотел что-то ещё спросить, но не мог сосредоточиться.

— Вы спросите меня тогда, когда будете готовы, — ответила Дара, будто читая его мысли.

— Кто вы такая? Что вы здесь делаете? — выпалил Холмс. — Вы читаете мысли, угадываете по нитке, что Ватсон делал прошлым вечером. Как всё это происходит? Кто вы и чем занимаетесь?

— Вы же всё рассказали обо мне, Холмс, — улыбнулась Дара. — Вы ни в чём ни на слово не ошиблись. Я занимаюсь садом, огородом, живу в деревне и работаю с сельскими детьми. Более ничего, это правда.

— Но ваши способности, как всё это сочетается? Что вы делаете с этим своим талантом?

— О, мне ещё работать и работать над ним! Я ещё только в самом начале пути, — улыбнулась Дара. — И то, чем я здесь занимаюсь — лучший тренаж для этого.

— Каким образом копание в огороде и занятия со школьниками помогают вам развить свой интеллект? — не унимался Холмс. — Это то же самое, если б я пошёл работать продавцом в супермаркет и стал бы использовать свои возможности для обслуживания кассового аппарата.

— О, это совсем не так, — возразила Дара. — То, чем я сейчас занимаюсь, помогает мне самым непосредственным образом. И не только использовать, но и именно развиваться в первую очередь. Дети — это очень чувствующие создания. Мозг и чувства взрослых затуманены примитивной работой их ума, а дети — они ещё очень живые и чистые. У них эмоции ещё очень настоящие, такие естественные. Я многому учусь, общаясь с детьми. Именно эмоционально. Это нечто непредсказуемое, ураган! Они задают мне ещё те задачки! — смеялась Дара. — Особенно малыши. Знаете ли, Холмс, мне с детьми с некоторых пор намного интереснее общаться, чем со взрослыми. Это чудо!

— Так, хорошо, дети — способ тренировки и исследования эмоций, — заключил Шерлок. — А огород? В городе ведь тоже много детей, даже гораздо больше, почему вы не работаете там, в детском центре каком-то?

— Второй бесценный источник чувственных ощущений — это природа, — рассказала Дара. — О-о-о, она удивительно тонка и многообразна! Живая материя, живые организмы. Они воздействуют на нас тончайшим образом, а мы — на них. Уловить это воздействие — вот задача! Город обрубает бОльшую часть возможностей чувственного восприятия, ведь там всё искусственное, грубое. Город — это как проводить хирургическую операцию на сердце топором, а не скальпелем. А природа — это бездонный, беспредельный источник тончайших чувственных ощущений. Такое определение вас устроит? — спросила Дара.

— Я ещё не особенно понял то, о чём ты говоришь, но, видимо, теперь моя очередь сказать: да, это действительно круто, — резюмировал Холмс.

— О нет, что ты. Говорю же — я ещё в самом-самом начале пути. Я ещё полный лох, профан, можно сказать. Мне ещё учиться и учиться! — рассмеялась Дара.

— Ты по нитке рассказала о том, с кем вчера встречался Ватсон. Я бы так не смог. И такое у меня впервые. Кроме Майкрофта, — сказал Холмс.

— Кто такой Майкрофт? — спросила Дара.

— Мой брат.

— Он тоже обладает таким же талантом? — поинтересовалась она.

— Да. И мы с ним всё время соревнуемся, — ответил Холмс.

— Но мы засиделись! — опомнилась Дара. — Ведь вам завтра в путь! Предлагаю отправляться на ночлег, уже совсем поздно.

— Нда. Только очень сомневаюсь, что я сегодня засну, — проговорил Холмс.

— Ничего, всё будет в порядке, — улыбнулась Дара. — В деревне спится необычайно сладко!

Тут Дара как-то задорно посмотрела на Холмса и вдруг сказала:

— Мне пришла вдруг странная идея, господа.

— Какая? — спросил Холмс.

— Возьмите меня с собой на это дело, — выпалила Дара.

— На дело? На наше дело? Но… зачем?

— Встреча с вами обоими была очень интересной для меня, — ответила она. — Неожиданной и ... самой необычной из всех других встреч. Думается, вы были правы Холмс — нет ничего случайного. Мне бы хотелось ещё продолжить знакомство с вами. К тому же мне надо встряхнуться. Я засиделась здесь, надо немного сменить обстановку. Я иногда совершаю разные вылазки по пути вместе с теми, кто заезжает ко мне в гости. Это очень полезно — посмотреть мир и узнать что-то новое. Сейчас именно такой момент, когда как раз пора это сделать. А ещё мне интересно, как вы работаете. Обещаю, я не буду мешать! Я могу вообще молчать, как рыба, целыми днями. Я ни в коем случае не потревожу вас. Что скажете?

Холмс посмотрел на неё и, не колеблясь, ответил:

— Что ж, я не против. Джон?

— Я буду только рад, — Ватсон был более, чем удивлён, но действительно очень рад, что эта очаровательная, хоть и так чертовски запутавшая их обоих, девушка так неожиданно присоединилась к ним.

— Что ж, решено, мы едем вместе! — Дара радостно поднялась со стула.

На ночь, как и предупреждала, Дара ушла спать на улицу. Джон разместился на стареньком диване, а Шерлок — на кровати. Она была покрыта матрасом, сделанным из сухой травы, и он будто провалился в ароматный стог сена. Через форточку в комнату лилась песня соловья и деревенская тишина. Никаких огней, гудков машин, только тишина, птичьи трели и буйство весенних природных ароматов. Джон и Шерлок лежали в полном молчании, заворожённые этой атмосферой. Молчание прервал Ватсон. Вернее, не успел прервать. Холмс опередил его.

— Ну нет, Джон, только не спрашивай меня, что я думаю об этой девушке. Ты же всё слышал о том, что я думаю, мы не один час кряду беседовали на кухне. Послушай лучше песню соловья.

Он явно кайфовал на этом матрасе. Вопреки его опасениям, обилие мыслей совсем не мучило его. Он ещё не понял, что произошло, но вся эта чехарда в его голове, которую устроила эта непонятная девчонка, почему-то неспешно затихла, и его захватило другое. Этот мягкий, ароматный матрас, боже, он будто держал его в своих тёплых объятьях. Тихая уютная комната, рядом спит лучший друг, а на улице — удивительная девушка, такая по-детски простая, добрая и нежная, и в то же время умудрившаяся за какой-то час беседы загрузить его мозг по самое основание. Что она там говорила? О том, как заново открыть то, что Земля не вертится вокруг Солнца, о том, что чувствами можно оперировать также, как деталями, что обязательно нужно расследовать их, как преступление, и что-то там ещё про то, как надо петь... Мысль уплывала куда-то, и Холмсу впервые не хотелось её удерживать, а хотелось просто лежать и наслаждаться моментом. Он подумает об этом после. Всё вспомнит, о чём они говорили, и всё-всё обдумает. А сейчас он ощущал, что в душе у него что-то пело. Или это был соловей? Он уже не понимал, его сознание отключалось, и он уплывал в какой-то волшебный ароматный весенний сон.

Глава 2. Собаки Баскервилля

Дорога в Дартмур

Утром Холмс и Ватсон проснулись от того, что их начали щекотать заглядывающие в окно лучики рассветного солнца. Через несколько минут в комнату вошла Дара. Она была ещё миловиднее, чем вечером. Такая свежая, улыбающаяся. Она уже успела искупаться и начала готовить завтрак.

— Поднимайтесь, джентльмены, Кирк починил вашу машину, а дорога в Дартмур неблизкая! — весело сказала она.

Джон и Шерлок зачарованно смотрели на неё и не могли пошевелиться.

— Пока я готовлю завтрак и собираю нам в дорогу перекус, вы вполне успеете сходить и забрать вашу машину. Ну же! Или вы остаётесь в Овечках слушать соловьёв? — она звонко рассмеялась и убежала хлопотать на кухню.

Джон и Шерлок молча переглянулись и начали нехотя вылезать из постелей. Завтрак и сборы прошли быстро, утренний весенний сад оглушил их своим птичьим многоголосьем, но нужно было отправляться в путь.

Как только машина тронулась с места, Ватсон с интересом обратился к Даре.

— Ну и всё же, Дара, ведь вам наверняка есть, что ещё рассказать о себе, кроме того, что вчера о вас поведал Холмс? — спросил он. — Что всё это значит, почему Овечки? Как вы умудрились променять Лондон на эту дыру? С вашими рассуждениями, что мы вчера слышали, лекции надо в университете читать, а не огород копать. Одна? Как вы здесь живёте одна? И что делаете? Ведь не может быть, что только растите овощи и танцуете с сельскими детьми?

— Конечно, Джон, я охотно расскажу о себе, если только наши разговоры не помешают Шерлоку думать о деле, — отозвалась Дара. Она уютно устроилась на заднем сидении машины и с интересом смотрела в окна на проезжаемые путешественниками окрестности.

— Валяйте, — отозвался Шерлок. — Я скажу, когда всем нужно будет замолчать.

— Не сомневаюсь, — вздохнул Ватсон.

— Итак, с чего же начать? — спросила Дара. — Что вам именно интересно?

— Начните с Лондона. Что вы там делали, кто вы по специальности, что у вас была за работа? — спросил Ватсон.

В ответ Дара без особого увлечения, но подробно и обстоятельно стала рассказывать:

— Как и сказал Шерлок, я — коренная лондонка и прожила там всю жизнь, кроме этих двух лет. Мои родители — врачи, а я по образованию инженер. Работала в разных отраслях: авиации, строительстве, медицине. Но это было скучно. В основном бумажная работа, цифры, расчеты, протоколы, отчёты. И, кстати, вы угадали — я в том числе немного преподавала в университете. Но я всегда понимала, что всё это не то, не моё. И тогда я начала искать своё. Помните, вчера мы говорили о том, как найти своё дело, свой талант? — немного оживилась она. — Вот примерно я так однажды и начала его искать.

— Искали то, что вам особенно нравится, то, что вдохновляет и мотивирует, то, что будет вашей песней? — спросил Ватсон, вспоминая их вчерашний разговор.

— Да. И это оказалось не очень-то просто, мне понадобилось время, чтобы это найти. А потом я нашла — и вот, я здесь, — улыбнулась Дара.

— Что нашли, Овечки? — спросил Ватсон и рассмеялся.

— Не сразу Овечки, но я нашла главное, — пояснила Дара. — Я очень чётко ощутила, что хочу жить где-то на природе, хочу заниматься природой. Изучать её, учиться общаться с ней, взаимодействовать, помогать ей. А ещё хочу вырастить свой большой и прекрасный сад. Хочу жить там, где воздух чист, где в ручьях журчит живая вода, где по лесам гуляют большие красивые животные. Хочу делать что-то действительно большое и настоящее.

— А то, что вы делали в Лондоне — это не большое и не настоящее? Работа инженера в авиации, преподавание в университете — это не настоящее? — непонимающе спросил Ватсон.

— Нет, — уверенно ответила Дара. — Ну, мне нравилось преподавать, и у меня это неплохо получается, надо сказать. Но вот мне совсем не нравилось то, что я преподаю. Это всё было скучное, неживое. Вот природа — она живая, настоящая. Она живёт под моими руками, развивается, даёт цветы, плоды, семена. Рождает, растёт, меняется. Она — вся наша жизнь, она — то, что по-настоящему владеет и движет всем миром. Ведь это природа, а не человек, что бы он о себе не думал, стоит во главе всего. И она действительно важна, жизненно важна для всех нас, а мы все от неё по-настоящему зависим. А те бумажки, формулы, задачки и громоздкий пустой научный груз, что были в моей прежней работе — это всё фикция, пустота, иллюзия, которая ничего по сути дела не значит. Ну, это трудно объяснить горожанину, никогда не задумывающемуся о таких вопросах, — улыбнулась она, глядя на Ватсона.

— Хотя, вот помните, Джон, — быстро продолжила она, — помните, что вы сказали, когда только лишь вошли в мой сад? Вам тоже захотелось жить в таком! Вот и мне также захотелось, просто я решила не откладывать это своё желание до пенсии.

— Да, я согласен, природа действительно важна для нас, — ответил Ватсон, выслушав её. — Но ведь в жизни есть ещё столько других важных и интересных вещей… Неужели вот так просто? Вам действительно так сильно этого захотелось, что вы бросили всё, чем занимались в Лондоне, чего достигли, своих друзей, свой прежний уклад жизни? Вы ведь наверняка были там вполне успешной, — недоумевал он. — Да, меня прельстил ваш сад, но я вот ни за что не оставлю Лондон сейчас даже ради самого райского уголка на свете.

— И я не сразу решилась и не сразу оставила Лондон, — продолжала рассказывать Дара. — Даже после уже принятого решения я ещё готовилась к этому два года. Морально и физически. Мне нужно было подготовить свою семью, они ведь тоже совсем не понимали меня и даже противились. Холмс всё правильно угадал. Они хотели, чтобы я сделала себе хорошую карьеру, а не растила помидоры, и сейчас они очень не довольны тем, что я выбрала, — рассмеялась она. — И потом мне самой нужно было подготовиться, завершить дела, определиться с местом, всё организовать.

— И как вы нашли свои Овечки? — осведомился Ватсон.

— Ну, вообще-то, моя мать родом из этой деревни, — пояснила Дара. — Правда, она уехала из неё в город с семьёй ещё в детстве. Но, видимо, это зов ген или что-то ещё. Я ведь долго искала место, где бы мне захотелось остановиться. Даже ездила в другие страны. Но в итоге вернулась в Овечки. Это место отзывается в моей душе, я здесь чувствую себя, как дома. Хотя, наверное, оно самое неказистое из всех, что я посетила. Но оно ощущается мне родным, и я осталась здесь.

— Ну и как вам тут живётся? — Ватсон продолжал с интересом расспрашивать, но всё, что говорила Дара, звучало для него как-то отстранённо, далеко и непонятно. Он считал её, мягко говоря, странной.

— Ой, вы знаете — замечательно живётся! Я знаю, многие не верят, но это действительно так. Я здесь нашла всё, что мне было нужно, — радостно ответила Дара. И её вид и настрой ни в коем случае не подавали поводов для сомнения в том, что то, что она говорила, было чистой правдой. Может, что-то и было непонятно из её рассказа, но то, что эта девушка абсолютно кайфует от того, как она живёт — сомнений не вызывало ни на минуту. Столько энергии, задора, свежести и красоты в женщинах Ватсон, кажется, ещё не встречал. Она беспрекословно очаровывала и заставляла собой любоваться каждую минуту.

— Но как же вы справляетесь со всем одна? — недоумевал Ватсон. — Жизнь в деревне — нелёгкий труд!

— О, это несложно, — возразила Дара. — Сельские жители привыкли жить на полном самообеспечении, если что-то нужно — я всегда прибегаю к их помощи, и они мне не отказывают. Они очень душевные и добрые, мне с ними легко, и они хорошо ко мне относятся.

— Но здесь же глушь, неужели вам не скучно? — продолжал сыпать вопросами Ватсон.

— Совсем нет. Я занимаюсь здесь всем, что мне нравится, скучать не приходится ни минутки. Вот про общение Шерлок сказал верно — мне его здесь не особенно хватает. Но, если подумать, то и в Лондоне, по сути, было то же. Там просто больше людей, но вот близости и понимания между ними нет... — грустно сказала Дара.

— Согласен, истинная близость и взаимопонимание — это редкость. Но в Лондоне, по крайней мере, вы можете в любое время выйти из дома, пойти куда-то развлечься, познакомиться с кем-то, — заметил Ватсон. — А здесь и податься некуда, кроме лесов и полей.

— А смысл? Я жила так. Заводила десятки знакомств, развлекалась. Но, если нет настоящей близости и взаимопонимания в общении, эти знакомства пусты и бессмысленны, как бы блистательны они ни были. А развлечения… после развлечений ты вновь возвращаешься к собственной пустоте. Так какой в этом толк? — пожала плечами Дара.

— Ну, не знаю. Там, по крайней мере, есть шанс, что что-то изменится, что вы всё-таки встретите кого-то, что что-то произойдёт. А здесь в глуши, мне кажется, тут будто время остановилось, — сказал Джон, поводя рукой в сторону проезжаемых безлюдных пейзажей.

— Это уж зависит от вас, от того, чем вы наполняете свою жизнь, — вновь улыбнулась Дара. — А насчёт шансов — с уровнем развития современных средств связи познакомиться и пообщаться с кем-то хоть с другого конца света при необходимости совершенно не проблема. Я всё также продолжаю общаться с сотнями людей, многие из них приезжают ко мне. Да и я сама выезжаю куда-то время от времени. Нет, Ватсон, жизнь совершенно не стоит. Скажу, что, напротив — здесь я чувствую то, что она кипит гораздо более бурно, чем это было в Лондоне.

— Ну, значит, вы действительно нашли то, что искали, раз вас так всё удовлетворяет, — сдался Джон. — Так и чем вы здесь занимаетесь, как проходит ваш день?

— О, очень много чем. В основном — вовсю наслаждаюсь жизнью на природе, — рассмеялась Дара. — Здесь всегда прекрасно: и зимой, и летом. А из дел? Ну, во-первых, сейчас учусь растить огород. Я ведь только начала этим заниматься и пока в этом полный профан. А это ещё та наука! И она, поверьте, не менее интересна, чем химия или физика. И исключительно практична. В наш век, когда магазины завалены продуктами неизвестного происхождения, знать, как выросло то, что у тебя на столе — очень актуально. Я учусь у местных и экспериментирую. Потом — я заложила обширный питомник деревьев. Я говорила, что хочу посадить большой сад. Я выращиваю для него саженцы и пересаживаю их в этот сад. Думаю, через несколько лет это будет прекрасно! Я ещё занимаюсь различной деятельностью, связанной с охраной и защитой природы. Моё преподавание также теперь связано с этой темой, и я, наконец, удовлетворена этим. Я общаюсь с большим количеством экологических добровольцев. Мы вместе проводим посадки деревьев, убираем мусор, организуем экологические фестивали и другие мероприятия. Я езжу помогать им, они приезжают ко мне. Это очень весело и вдохновляюще! Ну, это вкратце основные мои занятия на данное время. Вообще они всегда меняются в зависимости от времени года или развития процессов…

— Да, теперь понятно, что за гости к вам приезжают, — сказал Ватсон.

— Да, это в основном они. Холмс был прав — гости приезжают ко мне чаще, чем моя родная семья, — с грустинкой улыбнулась Дара.

— Что ж, да, теперь я вижу, что ваша жизнь и вправду очень активна и насыщенна. Ну, хорошо, если вам всё это нравится, — сказал Ватсон и, немного помявшись, спросил ещё. — А-а-а.. м-м-м.. а как же с личной жизнью? Вы же собираетесь заводить свою семью?

Ему было неловко задавать этот вопрос, но очень хотелось узнать, свободно ли сердце у этой очаровательной девушки.

— Да, мне бы этого очень хотелось. И надеюсь, что я обязательно её заведу, — улыбнулась в ответ Дара.

— Что ж, я не сомневаюсь, что у вас это получится, вы очень милая девушка. Мечта любого мужчины. Жаль, что с женихами в таких деревнях напряжёнка, наверняка вас бы оторвали с руками, — пошутил Ватсон, чтобы как-то выпутаться из неловкой ситуации.

— Спасибо, Джон, вы очень милы, — ответила Дара.

Холмс слушал их разговор довольно отстранённо. То, о чём говорила Дара — все эти сады, овощи и защита природы, было ему малоинтересно. Клеиться к девушке, как Ватсон, он, понятное дело, тоже желания не испытывал. Поэтому половину разговора он пропустил, как пустой трёп, периодически уходя в свои собственные мысли.

За окном равнины сменялись лесами, встречались небольшие возвышенности. Дара с интересом смотрела на проносящиеся мимо окрестности, улыбалась им и будто старалась вобрать всё это в себя и обласкать своим взглядом.

* * *

К полудню они подъехали к Дартмуру, предварительно остановившись обозреть его окрестности с небольшой возвышенности. С неё открывался обширный вид на близлежащие деревни, базу, болото и злополучный овраг. Дара внимательно и как-то печально всматривалась в местность. Холмс это заметил и спросил:

— Что скажете, Дара, как ваше впечатление?

Дара ответила не сразу.

— Пока ничего определенного, мистер Холмс. Что-то в общем, но деталей пока озвучить не могу. Вряд ли информация, которую я могу вам сейчас сказать, будет вам как-то полезна.

— Говорите всё, мне всё интересно и важно! — настаивал Холмс.

— Прошу прощения, но всё же немного позже. Я не люблю болтать зря.

— Что ж, позже, так позже. Едем в Дартмур! — скомандовал Холмс.

Расследование

— Итак, с чего начнём? — осведомился Ватсон, когда они остановились у уличного кафе в Дартмуре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.